

Шаг за шагом®

КОМПЛЕКСНЫЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ПРОЕКТ

ИСКУССТВО

ИСКУССТВО • 5 класс • 10-291

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.
РОЖДЕСТВО

Народный календарь. РОЖДЕСТВО

АВТОРЫ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ:

И. УВАРОВА,

художник Т. АРЗАМАСОВА

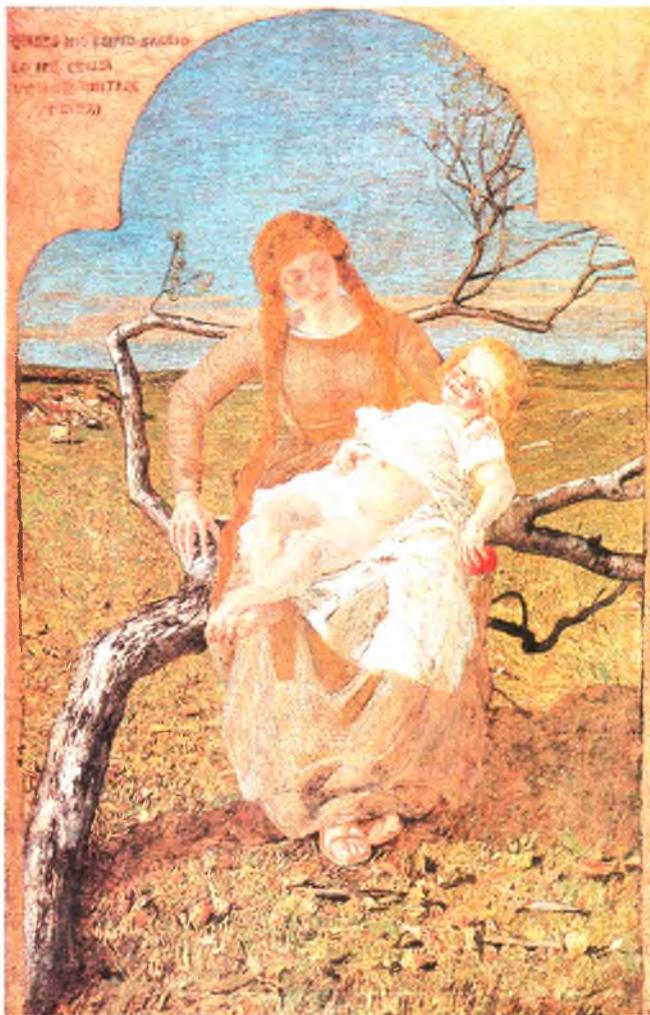
СОАВТОР РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ:

учени класса

школы № Г.

.....

.....

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Когда ты будешь читать эту тетрадь, ты увидишь, что здесь немало вопросов. А на вопросы лучше отвечать письменно. Еще ты увидишь, что можно не только читать, но и рисовать, сочинять и даже играть в своем собственном театре.

В самом деле, почему бы тебе не написать о Рождестве рассказ, почему бы не нарисовать картинку? Ты и представить себе не можешь, сколько людей на белом свете посвятили свои картины и стихи именно Рождеству. Кое-что вы увидите здесь...

Такое уж это было событие — рождение Христа. Такой уж это праздник, день рождения — Рождество, его и празднуют каждый год, почти что две тысячи лет. Волхвы принесли Новорожденному дары, и с тех пор на Рождество придумываются подарки.

И вот что я тебе посоветую. Положи рядом с этой тетрадью альбом (можно и чистую тетрадку). Туда и пиши ответы на вопросы, сказку, рассказ или пьесу, а если получится, то и стихи. Если у тебя возникнут свои собственные вопросы, можешь тоже записать их в альбом (или тетрадь). Сюда же помести свои картинки. Вот у тебя и получится свой собственный альбом про Рождество. Сохрани этот альбом, это будет твой личный подарок к Празднику. Надеюсь, это будет умный и красивый подарок.

С наилучшими пожеланиями
Автор

Начало

Когда ОН родился, какого числа?

Этого точно сегодня никто не знает.

Зато известно множество замечательных подробностей, связанных с ночью ЕГО рождения, а также многое, что задолго предшествовало ЕГО рождению, но оказалось связано с ним.

В стране, где ОН родился, некогда обитали пророки, честные и суровые, они общались с Богом и получали от Него откровения.

Бог, сотворивший людей, часто гневался: люди оказывались слабы духом, лживы и лукавы. Пророки требовали, чтобы человек был достоин своего Создателя, иначе в будущем народу грозят большие беды. Пророки знали, какие именно. Это были мрачные предсказания, и редко они обещали что-нибудь хорошее.

Но все-таки обещали, вселяя надежду в людские сердца:

когда-нибудь явится

СПАСИТЕЛЬ, МЕССИЯ — то есть тот, кто отмечен свыше.

И будет Он

СЫН БОЖИЙ

и

ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ.

Явится, чтобы спасти людей. И ожидали много лет ЕГО прихода.

И ОН родился.

А став взрослым, в простых сандалиях и в одежде, выгоревшей на солнце, ходил ОН по всей стране вместе со своими учениками и обещал, что окажутся в царстве небесном те, кому скверно пришлось в жизни на земле. И попадут туда праведные и добрые люди. Учил всех любить друг друга и прощать обиды. Учил добрым делам и сам творил добрые дела столь необыкновенные, что люди шептались: «Да и вправду он — Сын Божий, как говорят!»

А другие злились, называли фокусником и шарлатаном и говорили, что Бог не допустил бы своего сына бродить по дорогам — будто ОН нищий! И если придет тот, кого ожидают, то не стертым ремешком будут прихвачены его волосы, но золотым обручем, как подобает царю.

Третьи же говорили, что мессия должен непременно быть священником, а ОН священником не был, и они относились к нему враждебно.

Они не поверили ЕМУ, и не уверовали в НЕГО, и сговорились ЕГО погубить. Был ОН предан одним из учеников, схвачен солдатами и казнен. И погиб мученической смертью, распятый на кресте. И воскрес после смерти!

В тех краях, где это случилось, был обычай возлагать свои собственные дурные поступки на жертвенного козла, это был козел отпущения. Его обрекали на смерть и вместе с грузом тяжких чужих грехов сбрасывали в пропасть. А люди плясали и радовались тому, что очистились от греха и принесли искупительную жертву.

Такою жертвой добровольно стал ОН, смертью своей искупив людскую вину и заступившись за людей: помилуй, Господи, грешников и прости их, как простил ОН, Сын Твой.

Каждый, кто верит в НЕГО, каждый, кто хотя бы просто размышлял о ЕГО речах и делах, — должен задуматься о том, что следует стать по возможности хорошим человеком.

Христианство началось с ЕГО рождения.

Четыре ЕГО ученика, апостолы Матфей, Марк, Лука и Иоанн, оставили четыре описания ЕГО жизни и деяний. Но только два из них — Матфей и Лука — поведали о том, как ОН родился и что при этом происходило, — о РОЖДЕСТВЕ.

С их слов мы и знаем о событиях той знаменательной ночи. Но еще сохранились предания, устные вести и рассказы, передаваемые детям и внукам. Позже их записали. Они интересны. Об одном из них я расскажу, но позже.

Что ты слышал или читал о НЕМ, об Иисусе Христе?

Апостолы говорят, что матерью ЕГО стала девушка по имени Мириам, Мария из города Назарета. Ее взял в жены немолодой человек по имени Иосиф, и тут к Марии явился Ангел.

«И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария; ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик, и наречется Сыном Всевышнего».

Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел».

И к Иосифу явился во сне Ангел. И поведал Иосифу, что предопределено ему вырастить и воспитать Божьего Сына.

Беден был Иосиф-плотник, но происходил из славного рода царя Давида. И скромная дева Мария тоже была в потомстве Давида, царя-псалмопевца, угодно Богу.

Высокого происхождения был ОН, рожденный Марией, но близки ЕМУ всегда были люди отверженные и безвестные, а не именитая знать, приближенная к царскому престолу.

Рождение ЕГО стало самым важным Событием, событием великим — оно изменило время, а самой истории дало новое направление. И это величайшее событие дробится ежегодно на тысячи малых праздников Рождества, которые отмечает великое множество христиан на всем свете, а Рождество — самый светлый, самый счастливый, самый таинственный праздник христианской культуры.

Со временем праздник Рождества стал семейным. Так повелось, что каждая семья, справляющая Рождество, собиралась:

— у семейного очага, где трещали в огне веселые смоляные дрова и пел, закипая, начищенный медный чайник;

— под зеленым абажуром бронзовой лампы, она висит над столом, освещая самые вкусные вещи, начиная с золотистой жареной индейки и кончая шоколадным тортом, похожим на кукольный рыцарский замок;

— возле наряженной нами елки с ее электрическими свечами или цветными фонариками. Светло, тепло, играет музыка, громко шуршат блестящие бумажки, когда их разворачивают, чтобы добыть сниккерс; железные двери надежно закрыты, и дома все свои.

А в старые времена каждая семья, отмечающая Рождество, была озабочена тем, чтоб и у бедных людей тоже был праздник. Бедных приглашали в дом, сажали за стол, угощали от души или посылали в нищую хижину корзину с праздничным угощением.

В деревне же в ночь перед Рождеством приводили в дом животных — козу из хлева и собаку из будки, чтоб и они погрелись у домашнего очага.

Всемогущий Бог так любил людей, что этой ночью послал бедным людям своего Сына, тем самым человечество получило шанс на спасение, и не обрушатся небеса на землю, не хлынут воды смертоносного потопа и огонь не сожжет грешные города — потому что явился Спаситель.

Но и люди должны присоединить к празднику свои старания, чтоб усилия каждого прибавились к промыслу Бога. Стань добрее — такой уж это праздник.

Сколько счастливых забот и хлопот! Готовить два стола: один — в ночь перед Рождеством и другой стол — для Рождественской ночи. А подарки? Подарки всем, и это очень важно, чтоб не забыть никого из родных, из друзей... И — делать игрушки для елки. И маленькие ясли: такие коробки или домики с фигурами Иосифа и Марии с младенцем; иногда еще и с теми, кто был при рождении и кто пришел его поздравить. Такие игрушечные ясли-коробки, совсем маленькие и побольше, стоят в домах Европы, их можно купить, но часто их делают сами.

В Польше, на Украине, в Белоруссии, да и в России носили из дома в дом кукольный самодельный театр. И изображали куклы все, что было, когда ОН родился. И каждый, смотревший это таинственное и чудесное представление, был уже не просто зрителем: душа его оказывалась там, в кукольном доме.

В эту ночь действуют: великая вселенная со звездным небом и самый маленький человек — младенец. Вселенная могущественна, а человек слаб. Но усилия, но добрые порывы каждого сердца, собравшись вместе, отправят в небеса с земли волну душевного тепла.

...Когда первые американские космонавты возвращались из космоса домой, по радио и телевидению было передано обращение к жителям Америки: зажгите, пожалуйста, все осветительные приборы в каждой квартире и раздвиньте шторы, чтобы из черного неба был виден земной свет. И видели космонавты великое море счастливых огней на том месте, где расположена их родина.

Что-то подобное происходит и в Рождество, и море огней, сияющих в каждом доме, и светлые мысли, и хорошие поступки обволакивают сияющей пеленой

весь христианский мир; интересно бы узнать, видно ли это из космоса космонавту. Но Богу наверняка видно.

Промысел Бога один, но нас, людей, великое множество, тысячи, или — как говорят — тьмы, и тьмы, и тьмы. В разных точках мира и в различные времена, отмечая Рождество, люди чувствуют дивную притягательность этого дня рождения, но каждый из нас по-своему.

И потому пусть тебя не удивит северный пейзаж на картине, где изображено Рождество, на самом деле случившееся вовсе не на севере, а на юге: просто это значит, что художник был родом из северной страны и в свой родной пейзаж поместил самую сокровенную сцену.

Не удивляйся и тому, что на другой какой-нибудь картине кисти великого мастера ты увидишь знатных горожан из города Тулузы или Рима, в одеждах с пышными рукавами и в бархатных купеческих беретах, какие носили в Европе полторы тысячи лет спустя после того, как ОН родился; между тем эти знатные горожане пришли поздравить Новорожденного. А в Мексике? Там в каждом доме под Рождество вы можете увидеть круглый домик, сделанный из тыквы, а в нем — женщину в пончо индейки и с ребенком за спиной и мужчину в соломенной шляпе мексиканского крестьянина. Это, конечно же, Мария и Иосиф в тени мексиканских кактусов.

И в украинских Рождественских песнях поется о том, как Мария принимает гостей с Украины: «Вы не с Украины ли, пастухи, идете, что так сердце веселите, хорошо поете?» Хотя в то древнее время, когда ОН родился, не было горожан в беретах, не было индейцев в соломенных шляпах и Украины тоже еще не было.

Самое поразительное свойство праздника Рождества вот в чем:

ВСЕГДА И ВЕЗДЕ
ОН
рождается
ЗДЕСЬ
И СЕЙЧАС.

Вот потому-то:

<...> мы
Рассматриваем евангельские сюжеты
Мастеров Возрождения,
Где за плечами гладковолосых мадонн
В итальянских окнах
Открываются тосканские рощи,
А святой Иосиф
Придерживает стареющей рукой
Вечереющие складки флорентинского плаща.

Так писал поэт Давид Самойлов.

Художники итальянского Возрождения действительно писали Мадонну (так называют Деву Марию католики) с гладкой прической — такой, какая была в моде

у их современниц, а Иосифа и на самом деле одевали в плащ богатого гражданина Флоренции. Ну, конечно же, вступает в силу закон «Здесь и Сейчас», а также и право каждого художника видеть событие по-своему.

Как ты понял: почему к праздничному столу на Рождество приглашали бедных?

Какие произведения ты читал, в прозе или в стихах, где описывается праздник Рождества?

А теперь прочти отрывок из очерка Чарльза Диккенса «Рождественский обед». Вот как проходило Рождество в Англии в тридцатые годы прошлого века:

Рождественский семейный праздник! Нет на свете ничего упоительнее! Уже в самом слове «Рождество» таится какое-то очарование. Забыты ничтожные разногласия и ссоры, дружеские чувства пробудились в давно остывших сердцах; отец и сын, брат и сестра, уже много месяцев избегавшие встречи или обменивавшиеся холодными приветствиями, теперь, в этот счастливый день, раскрывают друг другу нежные объятия и передают забвению старые распри. Любящие сердца, чье взаимное влечение сдерживалось ложными понятиями о гордости и собственном достоинстве, вновь соединяются, и повсюду царит доброта и благожелательность. Ах, если бы Рождество длилось круглый год (как тому и следует быть), если б предубеждения и страсти, искажающие лучшие стороны нашей природы, всегда оставались чужды людям и не отравляли им жизнь!

<...> Рождественский семейный праздник, о котором мы ведем речь, это не случайная встреча приглашенных за неделю или за две родственников, решивших встретиться в этом году, хотя они не встречались в прошлом и едва ли свидятся в будущем. Нет, это ежегодное собрание всех имеющихся налицо членов семьи — старых и малых, богатых и бедных — и все дети с лихорадочным нетерпением ожидают его уже за два месяца до рождества.

<...> Дедушка непременно всякий раз ковыляет до самого Ньюгетского рынка, где покупает индейку, которая торжественно доставляется на дом специально нанятым для этого случая носильщиком. По настоянию дедушки носильщика всегда угощают — сверх установленной платы — рюмкою спиртного, которую он выпивает с пожеланием веселого Рождества и счастливого Нового года супруге дяди

**Старинная английская гравюра,
изображающая Рождественское шествие**

Джорджа. А бабушка — та еще за два или три дня до праздника напускает на себя необычайную таинственность, что, однако, не мешает распространяться слухам, будто ею приобретены прелестные чепчики с розовыми лентами для служанок, а также всевозможные книжки, перочинные ножики и пеналы для юных отпрысков семейства, не говоря уже о том, что в добавление к заказам жены дяди Джорджа кондитеру бабушка по секрету велела испечь к обеду лишнюю дюжину сладких пирожков и большой пирог со сливами для детей.

<...> В сочельник* бабушка неизменно пребывает в превосходном расположении духа, она заставляет детей целый день чистить сливы, а потом неизменно, из года в год велит дяде Джорджу спуститься на кухню, снять скюртук и не менее часа мешать пудинг, что дядя Джордж и проделывает к шумному восторгу детей и прислуги. Вечер заканчивается развеселой игрой в жмурки, причем дедушка изо всех сил старается, чтобы его поймали и тем дали ему возможность тоже проявить свое проворство.

На следующее утро старики, прихватив с собою такое количество детей, какое умещается на церковной скамье, торжественно отправляются в Божий храм.

<...> Возвратившись из церкви к завтраку, дедушка достает из кармана веточку омелы и заставляет мальчиков целовать под нею своих маленьких кузин. Эта процедура, доставляющая безграничное удовольствие мальчуганам и старому джентльмену, но несколько оскорбляющая бабушкины понятия о нравственности, продолжается до тех пор, пока дедушка не начинает рассказывать, что, когда ему было всего тринадцать лет и три месяца, он тоже поцеловал бабушку под веткою омелы. Услышав этот рассказ, дети хлопают в ладоши и весело смеются, дядя Джордж и тетя смеются тоже, а бабушка с довольным видом и добродушной улыбкой заявляет, что дедушка был ужасный повеса. При этих словах дети смеются пуще прежнего, а дедушка громче всех.

(Перевод с англ. М. Беккер)

* Сочельник — канун Рождества, а почему канун называется именно «сочельник», ты узнаешь дальше.

Посмотри: в старом английском доме на Рождество домочадцы собираются у ветки омелы. А иногда на дверях вешали венок из зеленого остролиста. Но скоро ты узнаешь, что у самого Диккенса в детстве была самая настоящая Рождественская елка. Обычай наряжать елку пришел в Англию позже. Однако место елке было как бы уже предопределено: на Рождество полагалось внести в дом некое зеленое растение, это был знак вечной жизни.

Почему Рождество стало семейным праздником?

Что бы мог означать английский обычай – целовать в эту пору девочек и девушек?

Это случилось в Вифлееме

11

Господи, как давно это было!

Почти две тысячи лет назад, вот когда это было.

И хотя точную дату великого События оспаривают различные календари, все-таки достоверно известно, что случилось оно зимой 747 года от основания Рима. Случилось ночью, и ночь та была холодной, хотя дело происходило, как уже сказано, в южной стране, а точнее — в стране восточной.

Там было горячее соленое море и горячие белые пески, а люди носили свободные и прямые одеяния и закидывали край материи на голову, чтоб уберечься от дневного летнего солнца, раскаленного, как подкова в огне.

Но только и в таких жарких странах бывает зима и холодные ночи, а ЭТА ночь, перевернувшая судьбу человечества, была отмечена явлением яркой новой звезды на черном небосклоне. А говоря точнее — то была комета. Комета была похожа на золотую голову с длинными сверкающими волосами. Но всякая комета во все времена тревожила души людей: к чему бы ее появление? Не случайно же сами небеса направляют ее к Земле. Так что ж она — вестница беды или наоборот? Ничего хорошего от комет никогда не ждали. Впрочем, эта была совсем необычна.

Вот тогда и родился мальчик, которому дали имя — Иисус...

Иисус Христос.

Отныне обо всем, что было до его рождения, говорили: это было до Рождества Христова, или до новой эры. И значит, когда мы говорим о новой эре, мы ведем отсчет от этой ночи, и каждая дата отныне так или иначе связана с Его рождением.

Ты, читатель, когда родился? Допустим, в 1983 году — это значит, что ты родился через тысяча девятьсот восемьдесят два года после того, как родился Иисус Христос, Сын Божий.

Ты уже знаешь, что комета возбудила ожидания перемен и ожидание большого события. События и происходили в стране — была объявлена перепись населения, и каждый должен был быть записан не там, где он жил, но там, откуда произошел его самый давний предок. Потому вся страна гудела, как потревоженный улей: все собирались, отправлялись в путь, и никто не жил эти дни дома, но все двигались по дорогам, на верблюдах, на ослах, в повозках, а то и пешком.

И Иосиф с Марией отправились туда, где жил некогда Давид, ставший царем, в город Вифлеем. В Вифлеем съезжались знатные потомки Давидовы, и город с почтением встречал именитых приезжих, предоставляя им лучшие места на постоянных дворах, так что когда явился всего лишь плотник с женой и сообщил о своей принадлежности к роду царя, все только пожимали плечами и, должно быть, укладкой подсмеивались над таким чудаком, и мест для них не оказалось ни на постоянных дворах, ни в жилых домах. Надвигались быстрые сумерки. Кончались постройки, дальше лежала пустая земля и холмы.

На с. 10 —
Сандро Боттичелли.
Рождество. 1501

И все же нашелся добрый человек, какой-то хозяин, и пожалел путников. Но в доме его было полным-полно народа, и он отправил их на ночлег в хлев, в пещеру, вертеп. Провести ночь с животными все лучше, чем на улице!

Теперь представь себе углубление в небольшом холме, — это пещера, укрытие, а в старину на Руси говорили: «вертеп». Туда на ночь отправляли домашних животных, не мерзнуть же им под свирепым ветром, налетавшим из ожесточившейся зимней пустыни! Им, животным, приносили туда солому для подстилки и сено для ужина.

Итак, пещера-вертеп, сено, солома и ясли — такое сетчатое корытце для корма скоту.

Но возможно ли, чтоб студеной ночью тут появились люди?

Почти невозможно.

Между тем именно так и случилось, изумились появлению внезапных гостей осел и вол, и все, кто ночевал там, подогнув под живот четыре твердых копытка — все они, я полагаю, удивились, увидев на своем пороге седобородого мужчину в грубом плаще и с высоким посохом и женщину, укутанную покрывалом до самых глаз. Широкие складки скрывали ее невысокую фигуру, и не было заметно, что живот ее кругл и полон теплотой новой жизни, готовой отделиться от матери и начать самостоятельный путь.

И родила Мария своего ребенка, своего первенца, и положила в ясли.

И было холодно, и она закутала Новорожденного, а в ясли постелила солому.

Но все равно было холодно, тогда вол и осел подошли к яслям и стали дышать что есть сил, чтобы согреть Новорожденного.

Но все равно было холодно, да к тому же и темно, и вдруг шесть лучей теплого ясного света проникли в вертеп сквозь маленькое отверстие в стене: это комета заглянула к ним, или Звезда Рождества, как ее стали называть с тех пор.

А неподалеку ночевали пастухи. Они-то привыкли к непогодам и, устроившись на ночлег, спали крепко, да что-то их разбудило. Спросонья они, кажется, так и не поняли, что это ангел, шелестя крыльями, приблизился к ним и тихо велел подняться. И поднялись они и двинулись в путь. И остановились перед вертепом.

Как ты думаешь: в чем смысл того, что Младенец родился не в доме, пусть даже и самом бедном, а именно в хлеву? Об этом свидетельствует Евангелие, и это место События всегда изображают художники, а народ поет об этом Рождественские песни.

И вошли в вертеп пастухи и первыми поклонились Младенцу. Говорят, они подарили Ему маленького ягненка, тоже новорожденного.

А потом, через некоторое время, на улицах Вифлеема раздался звон бубенцов, протяжно кричал погонщик, фыркали верблюды; и топот многих лошадиных подков возвестил о прибытии большого каравана.

Шум вновь прибывших разбудил утомившийся город, а топот каравана стих уже в предместье, возле той самой пещеры. Или вертепа.

То прибыли три царя из соседних восточных стран со своими свитами и поклажей.

Три эти царя были не какие-нибудь невежественные самодуры, вовсе нет, хотя невежды нередко сидят на троне. Этих царей называли волхвами, а волхвы были в древности учеными, астрологами и предсказателями.

Они заранее знали, ЧТО случится этой ночью, потому и отправились в путь. Должно быть, они умели читать древние тексты — рисунки-иероглифы на сухих свитках египетского папируса, которые шелестели, как тростник на ветру, когда их разворачивали. Умели, наверное, читать таинственные начертания на камнях, оставленные народами, исчезнувшими неведомо куда, и знаки на глиняных таблицах, похожие на следы целой стаи цапель, — клинопись Двуречья. И, конечно, они читали страницы коричневой кожи, густо осыпанные крупными буквами, похожими на крепких квадратных жуков, — так были записаны тексты Библии на языке иврите, которым владел еврейский народ в стране Иудейской. Там и были запечатлены предсказания пророка Нафана, пророка Исаяи и других пророков о том, что придет МЕССИЯ, СЫН БОЖИЙ и будет Он ЦАРЕМ ИУДЕЙСКИМ.

Он родился этой ночью, когда над Его соломенной колыбелью встала звезда, за которой двинулись в путь три царя-волхва на поиски Мессии.

И пришли, наконец, к вертепу.

ПРИМЕЧАНИЕ

Вот что думают некоторые историки: они полагают, что перепись началась и шла в Вифлееме задолго до рождения Младенца, что Иосиф и Мария пришли туда и уже жили там несколько месяцев. А если семья живет в чужом городе весьма продолжительное время, то, скорее всего, у них было какое-нибудь прибежище, хоть бы и скромное, но все-таки вряд ли хлев. Сколько же, в самом деле, можно прожить в хлеву, да еще в пещере?

Не знаю, что в этом правда, а что — миф. Мне лично милее миф: он собирает растянувшиеся во времени события, сжимая их в одной точке. Он как бы не замечает донесенное до нас Евангелием от Матфея сообщение, что волхвы появились в Вифлееме через два года после Рождения Сына Божьего. Но зато усиливает глубинный смысл событий, отбрасывая случайности, и высвечивает рождение Младенца с тою значительностью, какая открыта нам, все про это узнавшим. Но ведь совсем не все современники Рождества заметили, что произошло НЕЧТО.

Но и я, пересказывая тебе свидетельства апостолов, не могу кое-чего не добавить, в какой-то мере это мой миф, а иначе и быть не может; ведь мы с тобой уже знаем, что каждый видит ту картину по-своему.

По-своему вижу и я. По-своему увидишь и ты, если, выполняя задание, о котором сейчас прочтешь, представишь себе, как это все могло быть.

Сейчас ты прочтешь стихи Иосифа Бродского. Посмотри внимательно, как поэт увидел Святое семейство, их приют и мир вокруг вертепа. Подумай, что именно выделил Бродский в своем Рождестве, что для него стало главным в этом великом Событии.

* * *

Неважно, что было вокруг, и неважно,
о чем там пурга завывала протяжно,
что тесно им было в пастушьей квартире,
что места другого им не было в мире.

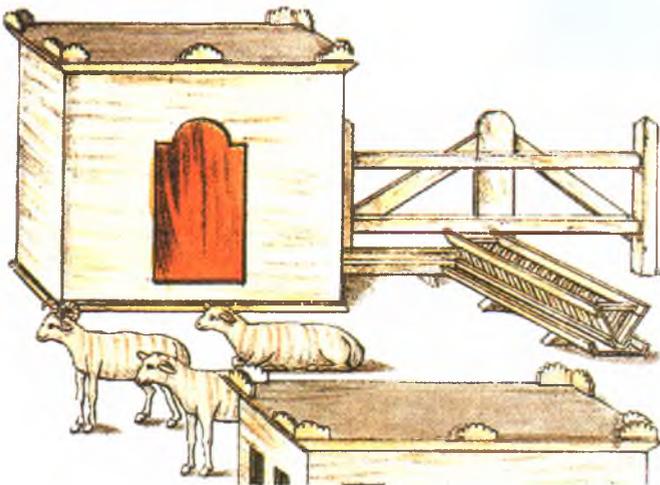
Во-первых, они были вместе. Второе,
и главное, было, что их было трое,
и все, что творилось, варилось, дарилось,
отныне, как минимум, на три делилось.

Морозное небо над ихним привалом
с привычкой большого склониться над малым
сверкало звездой — и некуда деться
ей было отныне от взгляда Младенца.

Костер полыхал, но полено кончалось;
все спали. Звезда от других отличалась
сильней, чем свеченьем, казавшимся лишним,
способностью дальнего смешивать с ближним.

Иосиф Бродский

Нарисуй иллюстрацию к этим стихам.

Мне довелось видеть несколько лет назад кукольный спектакль, приехавший к нам из Франции, из города Безансона, и дело там обстояло так. Покинув Вифлеем, по дороге в свой родной Назарет Иосиф и Мария попали в Безансон, а жители Безансона закрыли двери перед Святым семейством — ходят тут всякие... Но появился веселый виноградарь, одетый то ли в комбинезон, то ли в джинсы, и предложил путникам ночлег в гараже: тут, в окружении автобуса и колес, родился Иисус Христос. Вот так событие! С поздравлением явился мэр города и чиновники, а также какие-то допотопные маркизы в пудренных париках. И три царя, порядком поблуждав по миру, явились, наконец, в Безансон, а четыре маленьких ангела веселились на крыше гаража.

Напиши маленькую пьесу о том, как Рождество случилось в какой-нибудь точке земли и во время, которое тебе интересно: например, в Лапландии в прошлом веке (а кое-что о Лапландии ты читал у Андерсена в «Снежной королеве»), а быть может, и в городе, где ты живешь. Словом, как хочешь. Но пьеса не должна быть более чем на пяти страницах, а то, чего доброго, ты увлечешься и забросишь наши с тобой занятия.

Вот кукла «Маленький принц» — из сказки Антуана де Сент-Экзюпери. Этот принц жил в небе среди звезд, был очень добр и немножко похож на младенца Христа

Земля и небеса

17

Это была страна Иудея, древняя страна на Ближнем Востоке. Мир, как мы знаем, огромен, но почему-то в тех местах различные царства тесно лепились друг к другу. И многие государства рождались, расцветали и умирали на том небольшом краю земли. И казалось, сама почва была способна возвращать культуры — одну за другой. А еще говорят, что поблизости от Иудеи, в Двуречье, до сих пор сохранилась в почве яма, откуда Бог брал глину, чтобы вылепить Адама, первого человека, нашего общего предка. Только в Бога, сотворившего весь мир и человека, поверили не сразу, другие верования и другие боги долго обитали тут.

Много других богов водилось там, просто несметные числа: жестоких или добрых к людям, мстительных или прощающих...

У богов шла своя божественная история — с битвами, ссорами, любовью и ревностью, с рождением детей и их воспитанием — словом, история, похожая на человеческую. В одном лишь боги были отличны от людей: они были бессмертны. Время от времени кто-нибудь из богов женился на земной женщине; и хотя ребенок от этого брака был божественного происхождения, он все же умирал осенью, но, проведя зиму в царстве мертвых, весной возвращался. Таков, например, грек Дионис, а были еще и другие.

Боги, густо заселившие древний мир, воплотились в земных материалах — греческие и римские были из белого мрамора, они были подобны людям прекрасным и сильным, их раскрашивали красками и наряжали. Из серого камня высекали египтяне своих человекоподобных божеств, только головы у них были звериные или птичьи. В самой Иудее и в ближних к ней землях ставили идолов, каменных или деревянных, иногда они были страшны и безобразны и черны от запекшейся жертвенной крови.

Словом, у каждого народа богов было предостаточно, и время от времени люди утомлялись от их засилия и начинали склоняться к тому, что Бог все-таки один, что он единственный воплощает в себе цельность мира.

Евреи, один из народов, что жили в земле Иудейской, были особенно упорны в стремлении к единому Богу. А идолы сопротивлялись, не желая исчезать, и трудно было так сразу расстаться с ними. И не только простой люд, но и цари поддавались соблазну и нет-нет да и приносили жертвы идолам, даже уверовав в единого Бога.

А БОГ БЫЛ ЕДИН — единственный и неповторимый, и запрещалось изображать лик ЕГО, и нельзя было ЕГО вылепить, нарисовать; называли его Ягве.

Был он невидим и недосягаем и когда беседовал с пророком Моисеем, то явился закутаным в облако.

Вот потому-то в Иудее столь многие не могли допустить, чтоб Сын Божий был к тому же и Сыном человеческим, человеком, который может утомиться в пути и класть теплую ладонь на влажный от жара лоб больного, есть рыбу и пить воду у колодца. Слишком недосягаем для них был Бог, слишком велик был разрыв между Богом и человеком.

На с. 16 —
Александр Иванов.
Ветка. Этюд
к картине «Явление
Христа народу»

О том, как пришли волхвы

19

ИТАК — на чем мы остановились?

Вот на чем. Волхвы приблизились к вертепу вместе со своими горбатыми верблюдами, словно сделанными из войлока, со своими арабскими тонконогими лошадьми, словно выточенными из редкого дерева. Три царя, три волхва подошли ко входу в вертеп, поздоровались с родителями и низко поклонились яслям, в которых лежал Новорожденный. И положили возле Него свои дары.

Питер Брейгель Старший. Поклонение Христу. Ок. 1551

О том, как выглядели эти дары, мы толком не знаем. Матфей лишь пишет: «и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары».

Говорили, что дары их внесли рабы, сгибаясь под ношей тяжелых тюков. Другие же полагали, что слуги внесли следом за волхвами кувшины тонкой работы и что в них и хранились дары. Наконец, кто-то вообще считал, что подарки были совсем маленькими и могли уместиться в ладони и что каждый из волхвов сам нес свой дар, пряча его в мешочке на груди.

Но вот что известно.

Один подарил Младенцу золото, а золото было атрибутом царской власти — ведь родился Царь Иудейский.

Другой же принес Ему ладан, благовоние, которое воскуряли в особых сосудах при обрядах богослужения, — ведь родился Сын Божий.

Третий же нес с собою смирну или, как еще говорят, миро. Вещество это было маслянистое и густое, как смола, источающая горьковатый крепкий запах... Составом, из него приготовленным, и с добавлением особых трав, на Востоке пропитывали ткани и окутывали ими умерших, уберегая тело — сосуд бессмертной и освободившейся после смерти души — от бесформенности распада и разложения.

Должно быть, смирна, поднесенная в пещере, предназначалась смертному, и в том был символический смысл этого дара.

И, наверное, догадалась Мария, увидя, что в дарах Ему поданы знаки того, что Сын ее будет чтим как вечный Бог; будет Он царем царства Божьего; но будет Он и смертен, ибо Он — Сын человеческий.

Но, может быть, не догадалась она о том, что суждено ей, матери, пережить своего сына! Смущенно и радостно принимала она приветствия:

от пастухов, явившихся, как были, в плащах бедных и грубых, с посохами, вырезанными из узловатого дерева,

от царственных ученых мужей — я почему-то представляю себе, что они носили перстни с темными лиловыми камнями, а бороды прятали в деревянные футляры, так прячут в футляр драгоценные флейты.

Да! Но до того, как прийти в Вифлеем, волхвы посетили Иерусалим, столичный город, и пришли во дворец к царю Ироду, который правил тогда Иудеей. Иудея же к тому времени была покорена Римом, за страной присматривал римский прокуратор, но Ирод умел ладить с римскими правителями, и они оставили ему большую власть. Трем царям подобало представиться ему, раз уж они вошли в его страну, и принял их Ирод. И спросили они его: «Где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели восход Его звезды и пришли поклониться Ему». Так пишет апостол Матфей. Может быть, этот вопрос был задан Ироду из вежливости, цари ведь знали, куда идти, да и пошли от Ирода прямо в Вифлеем.

Ирод же был самолюбив и подозрителен и боялся, что у него отнимут корону, а его убьют, как это часто бывало между царями. Но, скрывая злобу и страх, сказал он пришельцам: «Пойдите, тщательно разведайте о Младенце, а когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему».

И волхвы, принеся Младенцу дары, собрались вернуться в Иерусалим. Но вышло иначе. Во сне был подан им знак не заходить к царю Ироду.

«И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою», — сообщает Матфей.

От него же мы знаем, что Иосиф тоже увидел чудный и тревожный сон. Снилось ему, что стоит перед ним Ангел и говорит ему:

«Встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его».

Иосиф тут же проснулся, разбудил Марию, и, укутав Младенца, они спешно и тихо — так, чтоб никто не услышал, и так, чтоб никто не донес, — удалились в Египет.

И, не дождавшись волхвов, понял Ирод, что обманут и что никто не укажет ему Младенца. Тогда задумал он страшное злодейство и приказал убить всех детей до двух лет в Вифлееме и его окрестностях.

Стон и плач стояли в стране, и вспоминали люди, что когда-то пророк Иеремиа предсказал это избиение младенцев и поведал о том, как рыдала женщина по имени Рахиль, у которой убийцы силой отняли детей.

«Рахиль плачет о детях своих:

И не хочет утешиться, потому что их нет».

Так искал Ирод Младенца-Христа, так страшно прославилось его имя, и до сих пор ругают старухи мальчишек, разоривших гнездо или обидевших котенка: «У-у, ирод окаянный!»

А в русских деревнях в конце января отмечали «Иродов день». В день этот детей секли, чтоб помнили всегда о жестокости царя, приказавшего убить младенцев.

О злодеянии Ирода пишет Матфей. Ни в каких более источниках об избиении младенцев не говорится. Но древние историки сообщают о других его злодеяниях: ему всюду чудились измена и предательство, и он казнил жестокими казнями свою любимую жену и своих сыновей. Так что казни детей при нем совершались, и недаром говорили в Риме: лучше быть рабом, чем сыном Ирода!

Когда же умер Ирод, Иосифу во сне явился ангел и сказал, чтоб возвращалось Семейство, потому что опасность не угрожает более мальчику по имени Иисус Христос.

Один из царей-волхвов был чернокожий — во всяком случае, так его рисовали художники на картинах, где изображалось поклонение Младенцу Христу. Почему оказалось так важно запомнить на долгие века, что дары Младенцу принес и черный царь?

На с. 22–23 –
Петер Пауль Рубенс.
Поклонение королей.
1620–1621

Найди волхвов на картинах, которые ты увидишь в этой тетради, и посмотри внимательно, как рисуют их художники разных эпох: какие на волхвах одежды, какие у них лица... Помни, эти волхвы выглядят совсем не так, как выглядели древние цари на самом деле. Но каждому художнику было крайне важно показать, что волхвы могут появиться в любое время, потому что Христос, как ты уже хорошо запомнил, всегда рождается ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС.

Ты видишь в этой тетради картины великих художников прошлого, писавших «Рождество», «Поклонение пастухов» и «Поклонение волхвов». На этих картинах появлялись ангелы, а Дева Мария и Младенец окружены сиянием.

Но вот картина художника Петера Пауля Рубенса. Она написана в начале XVII века и называется «Поклонение королей». Евангельский сюжет воспринимается здесь глазами земного человека, которому еще предстоит ощутить великий смысл свершившегося. На картине Рубенса Дева Мария и Иосиф внешне ничем не отличаются от других людей, ничто не указывает на то, что это — Святое Семейство. Мария, рослая, белокожая, одета и причесана так, как одевалась и причесывалась любимая жена художника Елена. Как будто бы Рубенс хотел здесь сказать: люди — это и есть самое великолепное создание, и люди остаются людьми во все времена. А младенец? Это пухлый и здоровый младенец, и он уже может стоять на толстых ножках, и ему любопытно: что это такое блестящее и звенящее поднесли ему король в прекрасном золотом сосуде?

А как выглядят короли-волхвы? Да так, как и положено выглядеть королям во все времена: на них длинные и пышные царственные мантии, и торжественность их одеяний подчеркивает великую торжественность момента. С какой страстью, с каким волнением они устремились навстречу Младенцу!

А кто пришел к вертепу вслед за королями? Ты увидишь тут господина в берете с пером, такой берет носил и сам Рубенс: не он ли это? Тут же, кажется, римский легионер. И кто-то еще, чье лицо искажено ненавистью и гневом, — из-за того, должно быть, что испугался пришествия Младенца в наш мир; может быть, это сам Ирод, только переодетый. И мальчик-паж, глазеющий по сторонам...

Глядя на эту картину, напиши маленький рассказ о том, что здесь происходит. Только напиши от имени кого-нибудь из тех, кто тут изображен, — от лица мальчика-пажа, например. Или от имени одного из королей-волхвов... Итак, ты не зритель, ты «внутри ситуации», ты — одно из действующих лиц...

Теперь я хочу познакомить тебя с одной легендой. В Евангелии об этом ничего не говорится. Это легенда о четвертом волхве, он шел из более отдаленных краев и опоздал в Вифлеем, явившись туда, когда Святое Семейство уже было на пути в Египет. Легенда эта была известна в Америке и Германии, а также и на Руси. На ее основе современный французский писатель Мишель Турнье написал главу в своей книге о волхвах. Книга эта называется «Каспар, Мельхиор и Бальтазар» — так потом в Европе именовали трех волхвов, настоящие же имена их не сохранились. Четвертый царь шел из Индии, Турнье назвал его принц Таор, а при нем был верный его слуга — Сири.

Итак:

МИШЕЛЬ ТУРНЬЕ

— Сири, — сказал он (Таор), — среди всего того, что мне довелось узнать с тех пор, как я покинул свой дворец, есть одно обстоятельство, о котором я никогда прежде не подозревал и которое меня глубоко удручает, — оказывается, дети голодают. Во всех городах и деревнях, через какие мы проходили, наши слоны привлекают толпы детей. Я смотрю на этих детей и вижу, что все они худые, хилые, истощенные — один страшнее другого. У некоторых до самых костлявых коленок свисают животы, похожие на бурдюк, а мне известно, что это один из признаков голода, может быть, самый главный. И вот что я решил. Мы привезли на слонах множество лакомств <...> Мы устроим в расположенном под деревней кедровом лесу громадное ночное пиршество и созовем на него всех вифлеемских детей.

И Таор с таким веселым азартом стал раздавать поручения своим приближенным, что это доконало Сири, все более убеждавшегося в том, что его господин спятил. Но пирожники развели огонь и принялись за работу. Назавтра с самого утра по улочкам Вифлеема поплыли ароматы сдобы и карамели, так что появление посланцев Таора, которые обходили дом за домом, приглашая всех детей, девочек и мальчиков, на пиршество в кедровом лесу, было хорошо подготовлено и встречено благожелательно. Впрочем, речь шла не обо всех детях. Принц долго обсуждал этот вопрос со своими управляющими. Поскольку звать родителей не хотели, нельзя было приглашать и самых маленьких детей, которые не могли ходить и есть без посторонней помощи. Правда, хозяева старались по возможности снизить возрастной ценз и в конце концов решили считать рубежом двухлетний возраст. Старшие будут помогать малышам.

Едва солнце скрылось за горизонтом, в кедровом лесу появились первые гости. Растроганный Таор заметил, что бедняки пытались, как могли, оказать уважение своему благодетелю. Все дети были умыты, причесаны, одеты в белое, на многих были венки из роз или лавровых листьев. Таор, которому не раз приходилось видеть, как ватаги маленьких сорванцов с криками гоняются друг за другом по улочкам и лестницам деревни, ждал, что они начнут обжираться, шуметь и орать. Не для того ли он и пригласил этих бедных малышей, чтобы они повеселились? Но на них явно произвел впечатление кедровый лес, факелы, огромный стол, заставленный дорогой посудой, — взявшись за руки, они в сосредоточенном молчании шли до того места за столом, на которое им указывали. Потом садились на скамью, держась очень прямо и положив на край стола сжатые кулачки, но ни в коем случае не опирались на стол локтями, как им было наказано.

Их не заставили томиться ожиданием и сразу подали молоко с медом, потому что, известное дело, дети всегда хотят пить. Но питье пробуждает аппетит, и перед изумленными глазами детей появилось желе из зизифуса, ватрушки с творогом, блинчики с ананасами, финики, фаршированные орехами, суфле из китайских орехов личи, парфе из манго, пирожные с мушмулой, крем на лидийском вине, миндальные печеня и другие чудеса, в которых индийскую национальную кухню обогащали рецепты, освоенные за время нынешнего путешествия в Иудею и Палестину.

Таор с удивлением и восторгом издали наблюдал за происходящим. Стемнело. Немногочисленные, разбросанные на большом расстоянии друг от друга факелы омывали сцену мягким, неярким золотистым светом. Во мраке кедрового леса, среди могучих стволов, под навесом громадных ветвей большой, накрытый скатертью стол и дети в льняной одежде образовывали светлый островок, неосязаемый и нереальный. Было трудно решить, кто же это — орда живых ребяташек, которые явились сюда, чтобы полакомиться вволю, или вереница невинных душ, душ умерших, хрупким созвездием парящих в ночном небе? И словно потому, что это пиршество избранных должно было непременно сопровождаться горем проклятых, все услышали вдруг далекий отголосок страдальческого вопля, несущегося из невидимой деревни.

Лакомства, от которых ломился стол, были всего лишь забавной прелюдией. О них сразу же забыли, когда четверо слуг внесли на носилках громадный торт — шедевр кондитерской архитектуры. В самом деле, это была воссозданная в нуге, марципанах, карамели и засахаренных фруктах миниатюрная модель дворца в Мангалуру — здесь были бассейны из сироба, статуи из айвы и деревья из засахаренных стебельков дягиля. Не забыты были даже пять слонов, вылепленных из миндального теста с бивнями из леденцов.

Появление торта было встречено восторженным шепотом и еще добавило торжественности торжеству. В глазах Таора это кондитерское сооружение было наделено столь богатым смыслом, что он не удержался и обратился к собравшимся с краткой речью.

— Дети мои, — начал он. — Видите этот дворец, эти сады, этих слонов? Это моя родина — я покинул ее, чтобы явиться к вам. И недаром все это воспроизведено перед вами в сладостях. Мой дворец был райским уголком, где все тешило и улаждало. <...> Так вот, о дворце из сахара...

Таор прервал свою речь, чтобы взять из рук слуги золотую лопатку в форме ятагана.

— ...его надо съесть, то есть разрушить.

Таор снова умолк, потому что со стороны невидимой деревни раздались пронзительные и короткие крики — словно пищали тысячи цыплят, которых режут.

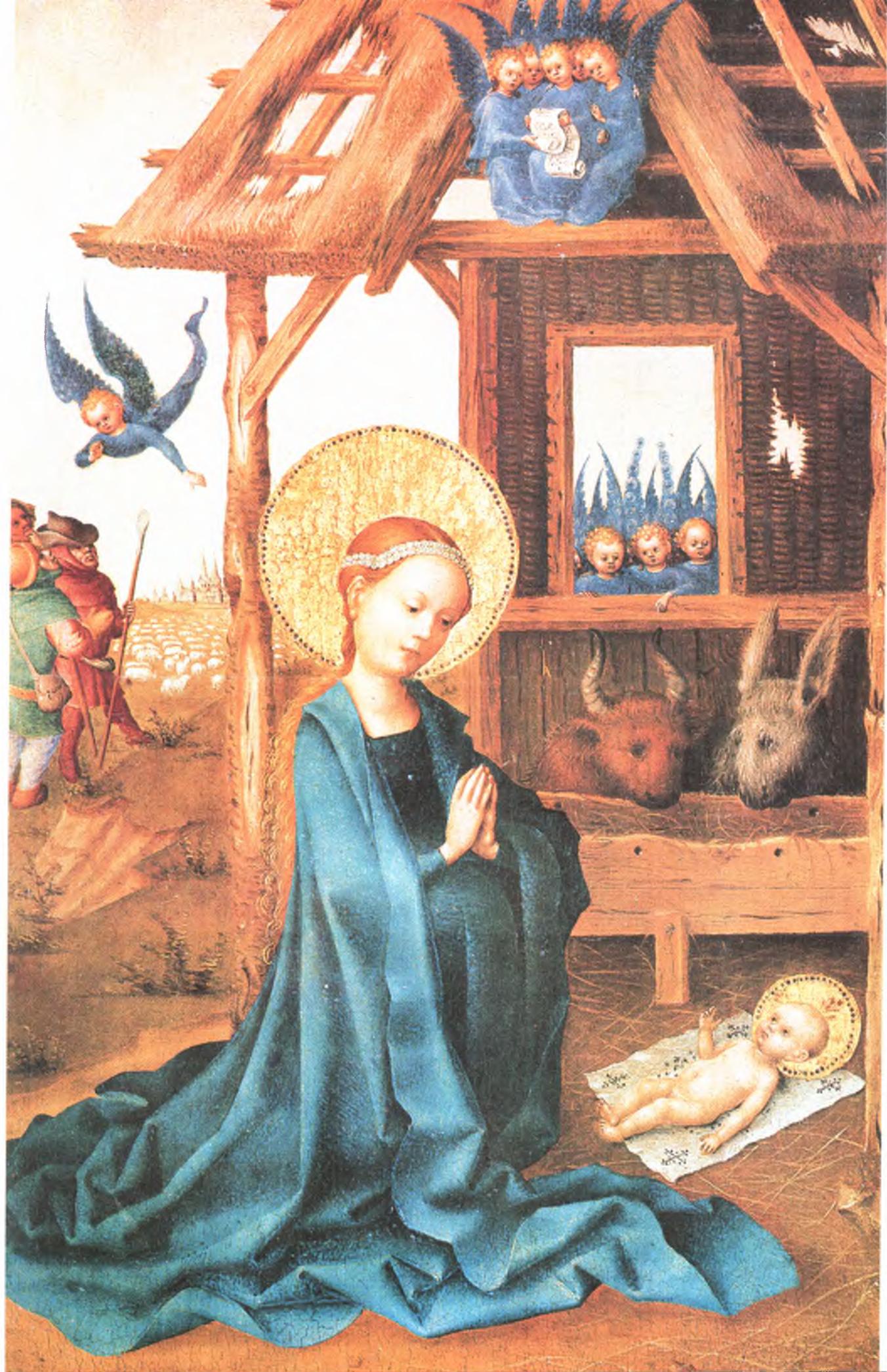
— ...надо разрушить, и первый удар должен нанести один из вас. Ты, например...

Он протянул золотую лопатку ребенку, который сидел ближе к нему, — пастушонку с черными кудряшками, покрывавшими его голову тугим шлемом. Мальчик поднял на Таора темные глаза, но не шелохнулся. Тогда один из местных жителей подошел к Таору и сказал ему: «Господин, ты говоришь на хинди, а эти дети понимают только арамейский язык». И он произнес несколько слов по-арамейски. Мальчик схватил золотую лопатку и решительно воткнул ее в купол из нуги, который рухнул во внутренний дворик.

И вот тут-то появился Сири — его нельзя было узнать, он весь был в пепле и в крови, одежда разорвана. Бросившись к принцу, он за рукав оттянул его подальше от стола.

— Принц Таор, — задыхаясь сказал он, — это проклятая страна, я всегда это тебе говорил. Час назад солдаты Ирода ворвались в деревню и убивают, убивают без всякой жалости!

День рождения

29

Сложности, возникшие по поводу дня рождения Иисуса Христа, Божьего сына, заложены в разном счете времени, в различии календарей.

Попробуем разобраться в календарях, их история интересна и даже драматична, она начинается в каменном веке и будет продолжаться после нас, всегда отвечая заново на вопрос: как считать время?

«И назвал Бог свет днем, а тьму ночью.

И был вечер, и было утро: день один».

Так, согласно Библии, образовалась единица времени, мы ее называем «сутки».

Каждый знает, что месяц содержит в себе тридцать суток или тридцать одни.

Месяцев же всего двенадцать — и вот он, год.

В сутках же, как тебе, конечно, известно, двадцать четыре часа.

А час состоит из шестидесяти минут; минута — из шестидесяти секунд.

Так трудно ли, спрашивается, сосчитать годовое время?

Оказалось: сосчитать его можно, но ответ окажется... неправильным!

На самом деле точно сосчитать годовое время — труднейшая из проблем.

Время, как и пространство, существует вне нас, мы же живем, можно сказать, внутри них. С помощью движения планет, при определенном расположении Луны и Солнца катится в космосе невидимое колесо — астрономический год. А человек, создавая календарь, как бы рисует для себя портрет астрономического года. Недаром многие календари народов мира являли собою круг. Таков хотя бы грандиознейший из календарей, каменный, Стоунхедж в Англии, создание древних магов-друидов. И китайский календарь имеет форму круга.

Нет, как бы ни выглядел календарь, будь он кругл или образован узелками на шнурке, как у древних охотников, или, наконец, будь он красивым альбомом с картинками на всех двенадцати страницах (такие висят у нас с тобой на стене) — все равно! Кажется, никогда и ни у кого такой «портрет» астрономического года не получался совершенной копией оригинала; уж на что мудрый народ были египтяне, но и их ученые-жрецы не справлялись с проблемой: египетский год был «плавающим», а дата начала года все время передвигалась.

Говорят, в Риме первый календарь ввел Ромул, легендарный основатель великого города, а римляне тогда были убеждены в том, что в году десять месяцев, всего же 304 дня.

Мы-то с вами знаем, что в году триста шестьдесят пять дней, а раз в четыре года — триста шестьдесят шесть.

Современные ученые убеждены, что мы ближе к истине. Но к истине человечество идет очень долго.

Римляне не могли не видеть, что время их календаря отстает от астрономического года, да, собственно говоря, все народы так или иначе знали о досадных календарных неточностях. Кельты, например, научились исправлять свой календарь (у них он был лунный), а исправления вносили каждые тридцать лет.

На с. 28 —
Стефан Лохнер.
Поклонение младенцу.
1445

Совершенствовали свой календарь и римляне и довольно часто что-то меняли и уточняли. Наконец, в календарь был внесен год, наиболее близкий к нашему, он состоял из трехсот шестидесяти пяти дней и шести часов. Такой календарь ввел Гай Юлий Цезарь, говорят, он сам был неплохим астрономом. В его честь календарь был назван юлианским.

Рим жил по этому календарю, когда в покоренной им далекой провинции Иудее родился Иисус Христос.

Родина Христа и соседствующие с нею древние царства — Ассирия и Вавилон — оставили нам понятие о семидневной неделе. Но представление о том, что такое месяц, пришло к нам из Рима.

Христианская Европа, раздробленная на различные государства, в тысяча триста двадцать пятом году приняла единый для всех **юлианский** календарь.

В Россию же календарь этот пришел с огромным опозданием, только при Петре I.

Теперь по **юлианскому** календарю Новый год начинался с 1 января.

Итак, Европа приноравливалась жить по более точному, **юлианскому** календарю. Но византийский астроном Никифор Григора обнаружил: юлианский год расходится с астрономическим на одиннадцать минут четырнадцать секунд в сутки.

Мелочь? Ну конечно!

Вот только за сто двадцать восемь лет набегали целые сутки отставания.

В кругах ученых и среди католического духовенства пошли большие споры. Наконец, в 1582 году папа римский Григорий XIII предписал передвинуть счет дней всем католическим странам на десять суток.

После что-то еще уточнялось, и все же: сложилась другая система календаря, ее назвали **новый стиль**.

Новый календарь назвали григорианским.

Но православное духовенство не желало принимать предписания папы римского и стойко держалось прежнего, юлианского календаря. И держится до сих пор.

Одним из первых декретов советской власти был декрет о времени — в тысяча девятьсот восемнадцатом году **Россию перевели на календарь григорианский**.

Теперь в стране был другой Новый год; отмечать его приход собирались тридцать первого декабря, ровно в двенадцать ночи по новому стилю.

А тот Новый год, который справляли еще в 1917 году, по-юлиански, — оказался отныне на точке, соответствующей 13 января по новому стилю.

Православное же Рождество соответственно теперь приходилось на 7 января, впрочем, праздник этот советская власть отменила.

Но русская православная церковь все равно отмечала Рождество Христа торжественной церковной службой в ночь с 6 на 7 января.

А католический мир и мир протестантский празднуют рождение Иисуса Христа в ночь с 24 на 25 декабря.

Вот как получилось, что у Христа два дня рождения, а празднуют их с одинаковой радостью и 25 декабря и 7 января.

Вот как получилось, что Гоголь справлял Рождество по старому стилю, а Чарльз Диккенс — по новому. Разница между ними в две недели, а праздник был один. Так было в прошлом веке, так осталось и сейчас.

Слово же календарь происходит от латинского KALENDAE — «календы» — первые числа каждого месяца.

Рождество и Новый год, за которым сразу и начинается первое число января, первого месяца года, — стоят почти что рядом, их отделяет друг от друга лишь неделя. А общее между ними то, что оба праздника всегда и всем обещают перемены и обновление жизни.

И потом — Новый год ведь тоже младенец!

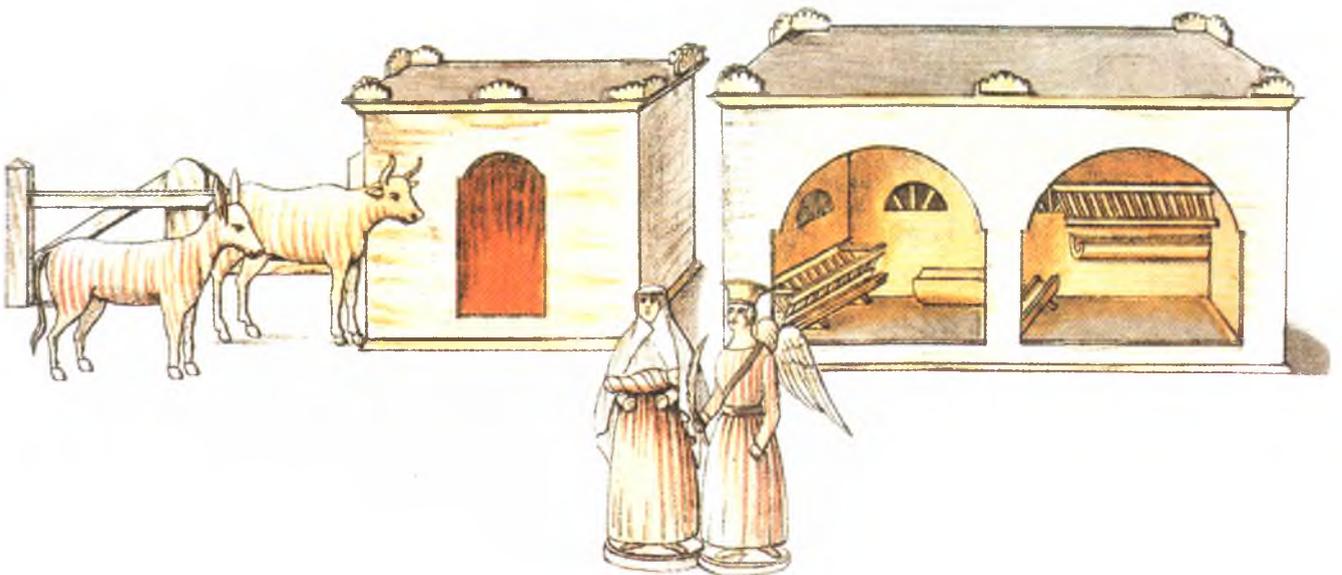
ПРИМЕЧАНИЕ

Знай, что в старой Руси Новогодье приходилось на первое марта, как в Риме и как в Иудее. Потом, при Иване III Новый год стали отсчитывать, как в Византии, с первого сентября.

Какие еще календари ты знаешь?

Какие бывают виды часов и как ими измеряют время?

Как связаны между собой Рождество, Новый год и начало новой эры?

Никифор Крылов. Зима. 1827

В деревне

33

В деревне сохраняются обычаи, предания и приметы праздника — старые, старинные, а иногда и древние.

Кажется, сама земля, на которой стоит село, бережет все, что город давным-давно позабыл.

В европейских странах, особенно в Восточной Европе, до и после Рождества и в Рождество люди ходят гурьбой из дома в дом с поздравлениями и прославлением Младенца Христа, иногда представляют маленькие сценки. Например, у чехов есть праздник Трех волхвов, и приходят трое, ряженные волхвами... Все это сходно между собою, все выросло на крепких общих корнях, из христианской картины мироздания. Но корни общих начал Праздника уходят еще глубже, в иные века и даже в другие тысячелетия, хотя целый венец праздничных законов сложился после крещения и Руси, и других стран.

А до того народная культура, ориентируясь по небесным светилам и явлениям самой природы, накопила свои представления о мире. Эти представления должны были оформиться в человекоподобные образы высших сил, управляющих природой. И многое потом словно бы заново откристаллизовалось в праздновании Рождества.

Читал ли ты чудесную повесть Николая Васильевича Гоголя «Ночь перед Рождеством»?

Следом за Гоголем мы сейчас отправимся в украинское село близ Диканьки. Только прошу тебя помнить вот что: все, что случилось в эту ночь на Украине, могло быть и в русской деревне, и в польской, и в белорусской. И в сербской тоже. Бывает, что люди одной семьи разлетелись по разным странам, говорят на разных языках, но бережно сохраняют праздники своего детства.

Однако начнем с самого начала: как начинается предрождественская ночь у Гоголя?

«Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа».

Вот тут, в самом начале повести, Гоголь поставил звездочку и сделал сноску, для нас с тобой весьма значительную.

Внимание!

«Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остается дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что

будто от того пошли колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж, если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. (*Замечание пасечника.*)»

Отец Осип, священник, «запретил было колядовать», подозревая, что колядки обращены к языческому «болвану». Потом, как можно догадаться, запрет снял, поняв, что по содержанию колядки действительно связаны с Рождеством.

Однако мы встретились здесь с целым мощным пластом народной культуры, а в культуре ничто не возникает из ничего и ничто не исчезает бесследно, есть такой закон, и он дает нам много интересного и неожиданного.

В старину первые православные церкви ставили на месте языческих капищ. Но и капища стояли именно в этом месте потому, что место это было особым, тут в земле были особые магнетические силы.

То же можно сказать не только о месте, но и о времени. Об особой астрономической точке, значимой для людей во все времена.

Что же касается «болвана Коляды», то само слово несколько напоминает уже знакомый нам «календарь». Может быть, и имя этого мифического «болвана» приближается к «календам»; почему бы и нет, ведь время идет к первым дням первого месяца года, января.

Интересно вот что: слово «календы» связывают с латинским глаголом, обозначающим «выкликать». Так что, может быть, на хуторе близ Диканьки кто-то кого-то вызывал, выкликал именно этой ночью, задолго до рождения Христа, а Рождество с этой ночью совпало. Но уже и память о тех временах истлела. Обычай живуч долгие годы, чем память о том, в честь чего и почему они возникли.

Кто теперь скажет, кто это ходил тут и кого выкликал, когда еще никакого хутора и никакой Диканьки не было; но во времена Гоголя, да и теперь ходят молодые люди и девушки от дома к дому, поют, потом благословляют хозяев, потом за то получают дары и складывают их в большие торбы, а еще мальчишки собираются целой стаей и, звеня колокольчиками, стучат в окна хат. Но не говорят: «это я, Иван, это я, Петро», — в песне о себе рассказывают, будто они какие-то странники, все шли и шли и пришли, наконец!

В окнах тихий свет, там тепло, в комнате за столом собралась семья. На стук хозяйка, прихватив домашние лепешки, спешит к двери...

Но дальше: как там у Гоголя?

«Тут через трубу одной хаты клубами повалил дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле».

Эта ведьма собрала с неба и спрятала звезды.

«А ведьма, между тем, поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверх. <...> Вдруг, с другой стороны, показалось другое пятнышко <...>». А это был черт! — «просто черт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу».

«Между тем черт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его; но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый черт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, <...> наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем не бывало, побежал далее».

Пауза. Посмотрим, что кроется за этими словами.

Небесное светило похищено, на земле воцаряется тьма.

В этой картине кромешной ночи хранятся стертые следы самых древних представлений, самых давних тревог. Эта ночь в середине зимы — критическая точка для всей жизни на Земле.

И в древности тоска и беспокойство охватывали каждого, и был страх, что надвинется вечная ночь и не будет больше света никогда.

Остатки таких древних чувств, которые испытывали наши очень давние предки, сохраняются и у тебя, когда черным зимним утром тебе не хочется вставать.

Итак, день убывает и убывает, а ночи все длинней, вот-вот наступит всеобщий мрак, тьма опустится на мир и наступит всеобщий хаос.

Тогда всюду по той дикой земле, на которой сейчас расположена Европа, загорались костры, чтобы черные небеса видели, как нужны земле свет и тепло — иначе всему конец. И наступит тьма, а вместе с нею — хаос.

Хаос и космос — как говорили греки. Хаос — разрушение, космос — созидание. Если б этой ночью преодолеть угрозу хаоса!

И тогда молодой, новорожденный, ежегодно возникающий космос опять народится во вселенной. Теперь уже — вместе с рождением Христа.

Но пока не наступил еще этот час, кажется, хаос всерьез собрался разделаться с миром, и все смешалось. Исчезли преграды, отгораживающие человека от тридцатых царств (как говорили в старину) или от иных измерений (как говорят сейчас).

Невидимые границы между владениями живых и царством мертвых тают. Давние поверья доносят вести о том, что именно в эту пору умершие предки приходили проведать живых родичей. Этим предков и изображают колядники, от их имени выкликают живую родню, стуча в окошко. Хотя сами колядники ничего о древних обычаях не знают, просто так принято ходить из года в год.

А также исчезали преграды между человеком и окружающей природой: животные и деревья понимали человеческую речь, даже тараканы уходили из дома, если их хорошенько попросить. А зерна, с осени посаженные в землю, пробуждались и слушали слова песен, заклятья и просьбы людей — чтоб они весной проснулись и поднялись из земли зелеными стрелами, на которых осенью созреет хлеб, и чтобы так было вечно.

И еще: именно в эту ночь нечисть свободно покидает свои владения и хозяйничает среди людей не таясь.

У Гоголя в ночь перед Рождеством набожный кузнец Вакула одержал победу над чертом — поймал, оседлал, да и полетел в открытый космос, из украинского

села — в Петербург, к самой царице Екатерине II и попросил у нее царские башмачки для своей невесты. И вернулся с этой диковиной, таким небывалым свадебным подарком, на том же виде «воздушного транспорта».

Так черт, собираясь натворить в эту ночь как можно больше бед, против своей воли сослужил доброму христианину полезную службу.

Тут в народном празднике вступает в силу закон карнавала, а по этому закону все пойдет шиворот-навыворот; все иначе, чем в обычной, внепраздничной жизни — все наоборот!

Вот потому Вакула не только оседлал черта, но перед тем еще и пошел к деревенскому колдуну Пацюку, которого богобоязненные люди обычно сторонились.

Что за чудесная картина описана у Гоголя, она таинственна и забавна. Большой толстый колдун-обжора задумчиво сидит на полу, а перед ним сами собою появляются большущие миски, одна — с творожными варениками, другая со сметаной. Он разевает пасть, а вареники сами ныряют в сметану и отправляются прямо в Пацюка. И Вакула смотрит во все глаза на такое чудо, между тем один вареник уже лезет к нему самому в рот, вымазал губы сметаной...

Но Вакула оттолкнул колдовской вареник с творогом и подумал:

«Однако, что за черт! ведь сегодня голодная кутья; а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак: стою тут и греха набираюсь! Назад! И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты».

Честный христианин не побоялся, в конце концов, обратиться за помощью и советом к колдуну — к родичу самого черта, что для верующего человека большой грех. Но испугал его не Пацюк, а всего-навсего маленький вареник!

То обстоятельство, что Пацюк ест в это время скоромный вареник, произвело на него куда большее впечатление, чем сам визит к колдуну.

А дело в том, что в ночь перед Рождеством положено отмечать **сочельник**. Сочельник — канун Рождества, слово это происходит от «сочень» — это постная лепешка на конопляном масле, лепешка ритуальная. В России на севере из теста такой лепешки делали маску и, надев ее на лицо, смотрели в подворотню на прохожих, по наружности прохожего гадали о будущем.

Варили и кашу из разных круп, называлась она сочиво, от слова «сок», молоко из семян и блюдо из семян.

В сочельник завершался Рождественский пост, на стол в сочельник ставили только постную пищу, прежде всего блюда из тех злаков и овощей и фруктов, какие произрастают именно в этом хозяйстве, именно на этой земле. Тем как бы воздавалась особая почесть растительному миру с его таинственной жизнью, связанной с землей и подземельем. Миру, возрождающемуся весной и умирающему летом, с тем чтобы следующей весной возродиться снова. Подобно этому умиранию и возрождению осуществляется на земле великий круговорот вечной жизни — в это верили древние земледельцы во всем мире.

После сочельника в Рождественскую ночь накрывался уже другой стол — с мясными пирогами, с колбасами, с творожными варениками и со сметаной.

Скоромная еда (не постная), так смутившая Вакулу в сочельник, на Рождество поедалась с особым удовольствием после долгого Рождественского поста.

Православные люди, соблюдая пост перед праздником, готовят себя к важному и торжественному событию. Человек ограничивает себя в еде, но отказ от определенных видов пищи связан не только с телесным началом. Ограничивая телесное, мы как бы расширяем в себе духовную сторону нашего существа. Во время поста считается особо тяжким грехом раздражение, гнев и неприязнь к кому-либо. В эту пору люди, соблюдающие пост, как бы сами себя воспитывают, пост — ступенька к совершенству. Христиане усердно посещают церковь, они особенно внимательны к предрождественским службам. И тот, кто по всем правилам готовил себя к Празднику, вступит в Рождество очищенным от многих недостатков и даже недомоганий. И твой собственный дом полагается вычистить перед Рождеством, чтобы Праздник вошел в чистое жилище.

Ночь перед Рождеством кончалась ранней церковной службой — заутреней, торжествующим звоном церковных колоколов.

Теперь нечистая сила должна была утомиться, начиналось счастливое утро. Новый день принес Вакуле чудесные перемены в судьбе.

Чудесных перемен, обновленной жизни, новых радостей ожидали от Рождества везде и во все времена.

Утром по украинской деревне как в пору Гоголя, так и сейчас идут мальчики, собравшись по три, как три волхва. Они несут на длинном шесте звезду, оклеенную фольгой и цветными картинками, и песнями славят Младенца Христа и Деву Марию на пороге каждого дома, а также желают хозяевам достатка, здоровья и счастья.

Еще они несут с собою вертеп. Такой вертеп мне довелось видеть на Западной Украине. Это был ящик с одною стеклянной стенкой, в ящике лежал мох, горела свечка и стояли овцы, вырезанные из бумаги. Там же была приклеена открытка с изображением Девы Марии и Младенца Христа.

...А как окончилась у Гоголя «Ночь перед Рождеством»?

Вакула после всех ночных приключений расписал деревенскую церковь и намалевал на ее стене черта в аду. Перед этой картиной стоит деревенская женщина с ребенком на руках. Может быть, это и Оксана с новорожденным мальчиком.

Но видение женщины с младенцем накладывается на образ Марии с маленьким Христом.

Вертеп из коллекции фольклориста Виктора Новацкого

Почему существенно, что место действия — именно село?

В повести «Ночь перед Рождеством» у Н. В. Гоголя гораздо больше всяких персонажей и сцен, чем те, которые были тут выбраны из повести.

Когда прочтешь ее, выпиши эпизоды и происшествия повести, которые имеют прямое отношение именно к кануну Рождества (но не те, о которых я тебе тут рассказываю, а другие!).

Повесть Гоголя оказалась очень привлекательной для композиторов. П. И. Чайковский написал оперу «Кузнец Вакула», а потом переработал ее, и во второй редакции она стала называться «Черевички» (1885).

Н. А. Римский-Корсаков написал оперу «Ночь перед Рождеством» в 90-х годах прошлого века.

Надо сказать, что Рождественская тема находила самые разнообразные воплощения в музыке. Здесь прежде всего следует сказать о молитвенных песнопениях, выражающих смысл Праздника, во время церковных служб и в народном бытовании. Это — хоровое пение без инструментального сопровождения (музыканты называют его **акапелла**).

Рождественские песнопения можно услышать сегодня и в современной музыкальной трактовке. Интересно, например, прослушать такие песнопения в исполнении известного ансамбля Дмитрия Покровского и группы «Сирин».

От Рождества начинались **Белые Святки**, или «святые вечера», до праздника Крещения; Крещение приходится на 19 января по новому стилю. Все это время было праздничным, в дом приходили ряженые — кто старый тулуп вывернет наизнанку, кто лицо намажет сажей. Или наденет маску — из мешка, из меха.

Играли маленькие представления, сцены. В этих народных сценах всегда кто-нибудь умирал, но тут же воскресал и пускался в пляс: неистребимая надежда на то, что жизнь на земле вечна, насыщала людей радостью, смехом, всеобщим весельем. Все это совершенно необходимо человеку, без этого жизнь будет казаться трудной и скучной.

Но на святки не только веселились — бывало и страшное. Навстречу страшному шли добровольно. В крещенский вечер девушки гадали о том, что их ждет, как и когда каждая выйдет замуж и за кого. Гадания были самые разные: лили в воду растопленный воск или олово и смотрели, какая образуется фигура. Еще поодиночке ходили ночью в баню, там допрашивали судьбу. Это было очень страшное гадание.

О том, как гадали, прочти в балладе В. А. Жуковского «Светлана».

СВЕТЛАНА

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;
 Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счетным курицу зерном;
 Ярый воск топили;
 В чашу с чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
 Расстилали белый плат
 И над чашей пели в лад
 Песенки подблюдны*.

Тускло светится луна
 В сумраке тумана —
 Молчалива и грустна
 Милая Светлана.
 «Что, подруженька, с тобой?
 Вымолви словечко;
 Слушай песни круговой;
 Вынь себе колечко.
 Пой, красавица: «Кузнец,
 Скуй мне злат и нов венец,
 Скуй кольцо золотое;
 Мне венчаться тем венцом,
 Обручаться тем кольцом
 При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?
 Милый друг далеко;
 Мне судьбина умереть
 В грусти одинокой.
 Год промчался — вести нет;
 Он ко мне не пишет;
 Ах! а им лишь красен свет,
 Им лишь сердце дышит...

Иль не вспомнишь обо мне?
 Где, в какой ты стороне?
 Где твоя обитель?
 Я молюсь и слезы лью!
 Утоли печаль мою,
 Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
 Белой пеленою;
 И на том столе стоит
 Зеркало с свечою;
 Два прибора на столе.
 «Загадай, Светлана;
 В чистом зеркала стекле
 В полночь без обмана
 Ты узнаешь жребий свой;
 Стукнет в двери милый твой
 Легкою рукою;
 Упадет с дверей запор;
 Сядет он за твой прибор
 Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
 К зеркалу садится;
 С тайной робостью она
 В зеркало глядится;
 Темно в зеркале; кругом
 Мертвое молчанье;
 Свечка трепетным огнем
 Чуть лиет сиянье...
 Робость в ней волнует грудь,
 Страшно ей назад взглянуть,
 Страх туманит очи...
 С треском пыхнул огонек,
 Крикнул жалобно сверчок,
 Вестник полуночи.

* Подблюдные песни — святочные песни, которыми сопровождалось гадания (в блюдо с водой клались кольца гадающих и потом вынимались под песню). Смыслом песни определялось предсказание судьбы гадающего.

Подпершия локотком,
 Чуть Светлана дышит...
 Вот... легохонько замком
 Кто-то стукнул, слышит;
 Робко в зеркало глядит:
 За ее плечами
 Кто-то, чудилось, блестит
 Яркими глазами...
 Занялся от страха дух...
 Вдруг в ее влетает слух
 Тихий, легкий шепот:
 «Я с тобой, моя краса;
 Укrotились небеса;
 Твой услышан ропот!» <...>

Алексей Венецианов. Крестьянская девушка. 1843

А теперь ответь на вопросы.

Какие народные обычаи нашли отражение в первых строчках баллады?

Почему гадание о будущем, о своей судьбе приходилось именно на святки?

Жуковский написал балладу. Но такой сюжет мог быть и в народной сказке. Напиши о Светлане именно сказку, только очень короткую.

А в какой сказке А. С. Пушкина есть волшебное зеркало и кто ему задает вопрос?

В каких еще книгах ты читал о гадании?

А теперь прочти украинскую колядку и русское христославие.

УКРАИНСКАЯ КОЛЯДКА

На горе на горке
 Дуб стоял зеленый,
 Пастухи пасли там стадо
 Вдруг случилось чудо:
 Слетел ангел с неба
 С бочкою вина,
 Угостил всех пастухов он,
 А бочка полна.
 Угощает ангел,
 Кланяется низко —
 Сходите, пастухи, в вертеп:
 Там Христос родился!
 Пришли они к вертепу,
 Петь младенца стали;
 Божья Мать Святая Дева
 Пастухам сказала:
 «Вы не с Украины ли,
 Пастухи, идете,
 Что так сердце веселите,
 Хорошо поете?» —
 «Правда, мы с Украины,
 С веселого края,
 Там так ясно светит солнце —
 Словно в Божьем рае!»

*(Перевод с украинского
 Ю. Айхенвальда)*

Ты только что прочел фольклорные песнопения. Народ сочиняет свои песни, как будто рисует картины, на которых изображено Событие. Но одна картина написана яркими и радостными красками, другая темна и печальна. Одну можно назвать мажорной, другую — минорной.

Объясни, чем еще они отличаются друг от друга, а главное: что у них общего? Ну, конечно, и тут и там присутствуют Дева Мария и Младенец. Но что еще общего в этих двух текстах?

Каковы особенности «географии» в этих двух сюжетах?

Чем отличаются народные тексты от стихов Иосифа Бродского? Подумай. Это трудный вопрос, но постарайся все-таки на него ответить.

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ХРИСТОСЛАВИЕ

Я умом ходила в город Вифлеем,
 Я была в вертепе, и рыдала в нем,
 Что — Христос-спаситель, царь, творец и Бог,
 Родился от Девы и лежит убог
 В яслях беззавесных, посреди ягнят,
 А над ним Иосиф с Матерью стоят.
 Бог-младенец горько плакал и рыдал,
 Многими слезами ясли обливал,
 Жаль Христа мне стало, пала я пред Ним
 И рыдала вместе с Господом моим.
 И когда я Деве сделала вопрос:
 Отчего так плачет маленький Христос?
 Дева мне сказала: «Плачет Он о том,
 Что Адам и Ева взяты в плен врагом,
 И что образ Божий, данный их душам,
 Отдан в поруганье злобнейшим бесам.»

В городе

Прочти отрывок из рассказа А. И. Куприна «Бедный принц».

Окно выходит в соседний двор. Странный, необычный огонь, который колеблется в воздухе из стороны в сторону, поднимается и опускается, исчезает на секунду и опять показывается, вдруг остро привлекает внимание Дани. Продышав ртом на стекле дыру побольше, он прикивает к ней глазами, закрывшись ладонью, как щитом, от света фонаря. Теперь на белом фоне свежего, только что выпавшего снега он ясно различает небольшую, тесно сгрудившуюся кучку ребятишек. Над ними на высокой палке, которой не видно в темноте, раскачивается, точно плавает в воздухе, огромная разноцветная бумажная звезда, освещенная изнутри каким-то скрытым огнем.

Даня хорошо знает, что все это — детвора из соседнего бедного и старого дома, «уличные мальчишки» и «дурные дети», как их называют взрослые: сыновья сапожников, дворников и прачек. Но Данино сердце холодеет от зависти, восторга и любопытства. От няньки он слышал о местном древнем южном обычае: под Рождество дети в складчину устраивают звезду и вертеп, ходят с ними по домам — знакомым и незнакомым, — поют колядки и Рождественские кантики и получают за это в виде вознаграждения ветчину, колбасу, пироги и всякую медную монету. <...>

«Дурные дети» как раз выходили из калитки соседнего дома, когда Даня выскочил на улицу. Над мальчишками плыла звезда, вся светившаяся красными, розовыми и желтыми лучами, а самый маленький из колядников нес на руках освещенный изнутри, сделанный из картона и разноцветной папиросной бумаги домик — «вертеп Господень». Этот малыш был не кто иной, как сын невлеского кучера. Даня не знал его имени, но помнил, что этот мальчуган нередко вслед за отцом с большой серьезностью снимал шапку, когда Дане случалось проходить мимо каретного сарая или конюшни.

Звезда поравнялась с Даней. Он нерешительно посопел и сказал баском:

— Господа, примите и меня-а-а...

<...> Чудесный был этот вечер. Звезда останавливалась перед освещенными окнами, заходила во все дворы, опускалась в подвалы, лазила на чердаки. Остановившись перед дверью, предводитель труппы — тот самый рослый мальчишка, который недавно побранился с Даней, — начинал сильным и гнусавым голосом:

Рождество Твое, Христе Боже наш...

И остальные десять человек подхватывали вразброд, не в тон, но с большим воодушевлением:

Воссия мирови свет разума...

На с. 42 —
Неизвестный
художник. Санные
гонки в Петровском
парке (Москва). 1840

Иногда дверь отворялась, и их пускали в переднюю. Тогда они начинали длинную, почти бесконечную колядку о том, как шла царица на крутую гору, как упала с неба звезда-красна, как Христос родился, а Ирод сомутился. Им выносили отрезанное щедрой рукой кольцо колбасы, яиц, хлеба, свиного студня, кусок телятины. В другие дома их не пускали, но высылали несколько медных монет. Деньги прятались предводителем в карман, а съестные припасы складывались в один общий мешок. В иных же домах на звуки пения быстро распахивались двери, выскакивала какая-нибудь рыхлая толстая баба с веником и кричала грозно:

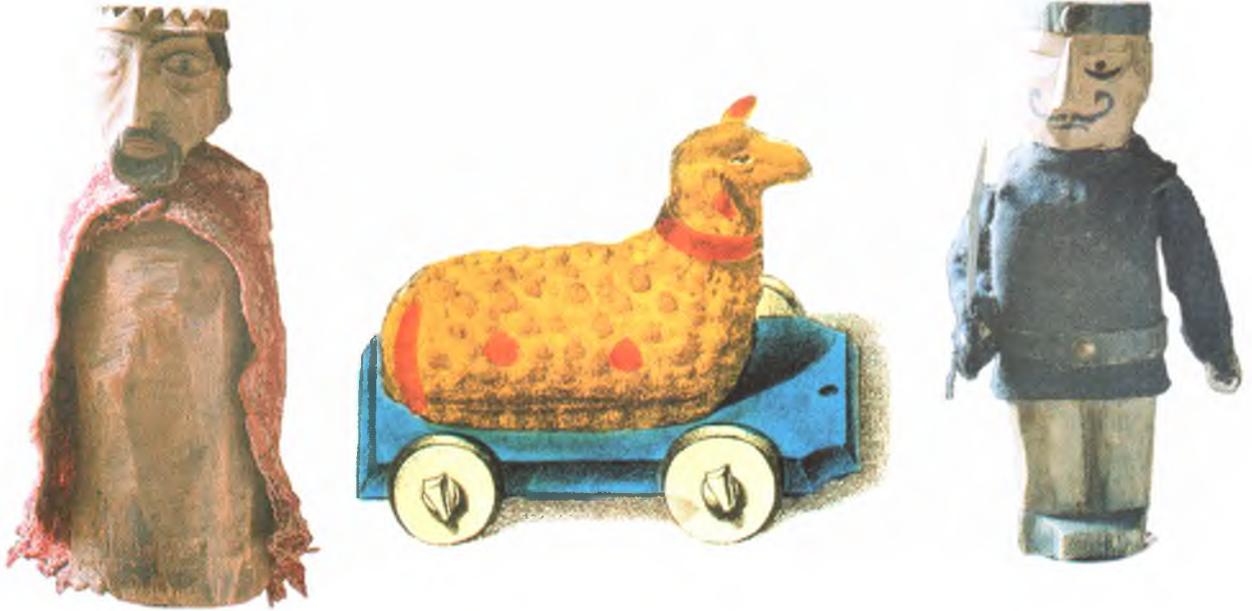
— Вот я вас, лайдаки, голодранцы паршивые... Гэть!.. Кышь до дому!

Один раз на них накинута огромный городской, закутанный в остроконечный башлык, из отверстия которого торчали белые, ледяные усы.

— Шо вы тут, стрекулисты, шляетесь?.. Вот я вас в участок!.. По какому такому праву?.. А?..

И он затопал на них ногами и зарычал зверским голосом.

Как стая воробьев после выстрела разлетелась по всей улице маленькие христославщики. Высоко прыгала в воздухе, чертя огненный след, красная звезда. <...>

Художник Сергей Тараканов.
Куклы для вертепа — Ирод и Солдат

Это было в большом городе, в конце XIX века. А как проходило Рождество в деревне — ты уже знаешь. Сравни, что общего между эпизодами, происходившими в городе и в деревне на Рождество.

У Куприна мальчику из «хорошей семьи» запрещалось водиться с детьми дворника, мальчишками из бедных семейств. На Рождество Дани нарушил домашний запрет и вместе с уличной ребятней пошел славить Христа. Напиши, какой смысл в этот эпизод вложил Куприн.

У Куприна ни слова не сказано о христианских традициях, которые соблюдались на Рождество. И все-таки мы понимаем, что здесь речь идет не просто о непослушании благовоспитанного мальчика, а о вещах глубинных и скрытых в тексте рассказа. Подумай, какими средствами писатель раскрывает внутренний смысл этого случая. Именно мальчику стал понятен этот смысл, скрытый от взрослых — от родителей Дани, от городского...

Ван дер Хус. Поклонение пастухов. 1475

Великие мистерии и великая живопись

47

Было время, когда Рождество было не семейным праздником, а оказывалось в сердцевине праздников всенародных; тогда весь народ становился одной огромной семьей, собравшейся вместе, чтоб пережить то, о чем написано в Библии.

В то время все знали, как скромен был плотник Иосиф, как бедна была Мария и как убог был приют, в котором родился Христос.

Однако средневековому городу эти знания отнюдь не мешали изобразить Событие в небывалой пышности и истинно царском великолепии, и город воскресал Событие в театре средних веков.

Пышность постановки, называемой МИСТЕРИЯ, как бы выражало собою величие События. А слово «мистерия» означает «таинство». Это не просто спектакль. Мистерия — это действие, которое влияет на течение жизни на земле.

Потому средневековый город готовился к мистерии «всем миром».

И вот... Но ты же знаешь, наверное, что в европейском городе в средние века люди одной профессии обязательно объединялись в цех?

Цех плотников возводил на Ратушной площади города огромный длинный помост, это была сцена.

Цех маляров писал декорации. То были плоские фасады трех домов, два по краям помоста, один в центре, на них были надписи: «Ад», «Земля», «Рай», а можно было и без надписей, и так все знали. Ведь это повторялось из года в год, и никто не только не говорил, но и не думал, что такое зрелище может надоесть. Да упаси Боже! Потому что, участвуя хотя бы в роли зрителя, каждый помогал свершению Евангельского События.

А цех золотых дел мастеров готовил искусные изделия из золота и серебра, с драгоценными камнями — дары волхвов.

Цех портных шил костюмы. Нужно ли говорить, что любой король мог позавидовать мантии на плечах Иосифа?

Говорят, однажды на помосте должна была появиться «толпа нищих» — так этих нищих городские портные одели в золотые и серебряные лохмотья.

Что же касается царя Ирода, то он восседал на истинно царском троне. Высокая корона его сверкала, и блеск ее был грозен.

Зрители так дружно ненавидели его, что могли побить, ринувшись на помост, бывало так. Актеру, игравшему Ирода, платили больше, чем другим, за «вредность».

О, зрители мистерии! Они стояли на площади в любую погоду многие часы, а иногда по несколько дней, уходя домой лишь на ночь.

А были и такие, кому ночевать было негде — крестьяне, прибывшие в город из своих селений. Они ночевали прямо на площади.

А что было со зрителями, когда шла мистерия? Вся площадь стонала, когда события оборачивались печалью или бедой.

Бургомистра немецкого города Меца даже хватил удар при виде Иродовых злодеяний.

В другом городе приезжая артистка так трогательно играла роль Девы Марии, что город тут же порешил оставить ее здесь навсегда и выдать замуж за хорошего человека.

Актеры обычно собирались в труппы и к Рождеству являлись в Париж, в Руан или в Кельн, предлагая свои услуги городским властям и сговариваясь о цене трудной работы.

Работа и правда была трудной; сохранилась гравюра, на которой изображена сцена из мистерии: мученик-христианин, подвергаемый пыткам (язычники заставляют его отказаться от веры в Христа), привязан настоящими веревками к столу пыток, от его лица отлетает птица — это душа, покидающая тело. По всему видно, что актеру, исполняющему роль мученика, пришлось не сладко...

Тут следует уточнить: в мистериях иной раз играли множество сцен из истории христианства, а иногда сцены начинались от Библейского Ветхого Завета, от сотворения мира, от Адама и Евы.

И Рождение Христа, его жизнь и гибель, принятая за всех нас, были одной из частей этого невероятного спектакля, который имел 50 актов (и так бывало!), да к тому же очень длинных.

В старой Англии такие мистерии могли идти и неделю. Там актеры ехали на передвижной сцене, на высокой квадратной повозке с колесами, четырьмя колонками и балдахином сверху. Такая повозка называлась «Педжент».

А в католических костелах — но это было позже, много позже — на Рождество выносили ясли: колыбель с Младенцем Христом, или корзинку, или же корытце. Там лежала кукла — и мы с тобой еще убедимся в том, что кукле суждено всегда принимать особое участие во всех празднованиях Рождества.

Итак, в костелах при Рождественской службе появились ясли. Вокруг ясель со временем начали ставить фигуры, большие, иногда и в рост человека, — Марию, Иосифа, волхвов. Фигуры были неподвижны, но казались живыми, так искусно и жизнеподобно их делали мастера.

В Польше, в городе Кракове, в костеле появлялись те же, в сущности, сцены, иллюстрирующие Библию, что и в мистериях; только участие в них принимали не актеры, а небольшие скульптуры или куклы. Такие кукольные сценки, изображаемые объемными или плоскими фигурами, приводились в движение с помощью механического устройства, они двигались, а в то же время сами сценки передвигались на конвейере.

Наверное, были и переносные ящики-шкатулки, в которых на Рождество куклы начинали двигаться с помощью скрытых механизмов; ведь это были почти те же мистерии, те же таинства, только кукольные. И, конечно, механический театр, в котором куклы оживали словно бы сами собой, без помощи человека, усиливал таинственное впечатление тихого чуда.

Да и в самом деле, представь себе: ты — житель старинного города, может быть, ты не умеешь и читать, а если умеешь, не прочел ни одной книги, кроме Библии. Ты, предположим, принадлежишь к славному цеху сапожников, ты можешь шить отличные мягкие башмаки с ужасно длинными носами, загнутыми кверху и прикре-

пленными к ремешку на щиколотке длинной цепочкой. Но ты ничего не смыслишь в механике, и когда перед тобой появится высокий ящик в два этажа с нежными шелковыми занавесками и вдруг зазвучит тихая музыка музыкальной шкатулки, а занавесы сами собою раздвинутся и на сцене второго этажа маленькая кукла, изображающая Деву Марию, будет наклоняться и наклоняться к яслям, а волхвы, двигаясь медленно, будут продвигаться к яслям и даже смогут медленно опустить перед ними подарки, и на первом этаже маленький Ирод потрясает жезлом, а из боковых дверей выходят два маленьких солдата... И когда все это происходит — ей-Богу, ты, видя все это и не обнаружив при этом помощи человека, согласишься в чудо!

Я же в него верю и сейчас, когда вижу на Рождество славянский кукольный вертеп: там уже нет механики, однако куклы движутся, передвигаемые кукловодом, держащим их за стержень снизу, — но куклы движутся не как попало, а по специальным фигурным щелкам; именно по таким прорезям совершают движение фарфоровые куклы, танцующие на крышках музыкальных шкатулок.

Хотя кукол двигает человек, стоящий позади театрала, таинство все равно присутствует здесь.

И вот как еще отозвались в других формах великие мистерии: они переселились в самое маленькое кукольное здание, в картонную копию костела, оклеенного серебряной бумагой, в польскую «шопку». Такую чудесную игрушку можно поставить и дома, на каминную полку, на подоконник или на стол. А куклы там не более тех, которые ты находишь в «киндер-сюрпризе», только, конечно, гораздо лучше.

В средние века тема Рождества сосредоточивала внимание на сверхъестественном: на том, что должен родиться Сын Божий.

Когда же в Европе наступили времена Возрождения, в Событии Рождества становилось все более важным то, что родился Сын Человеческий. Это происходило потому, что интерес к человеку возрастал.

Человек — поразительное явление, в котором соединились земное, природное начало и духовное; человек поддается злу, но и способен на высокие и добрые поступки, он — низкий и благородный, слабый и могучий, трусливый и отважный. Человек. Ради спасения его души был распят на кресте Христос.

И человеческое начало в образе Христа все более привлекало к себе. Но пора великих мистерий уже отходила. Начиналась эпоха великой живописи.

Начиналась новая жизнь темы Рождества.

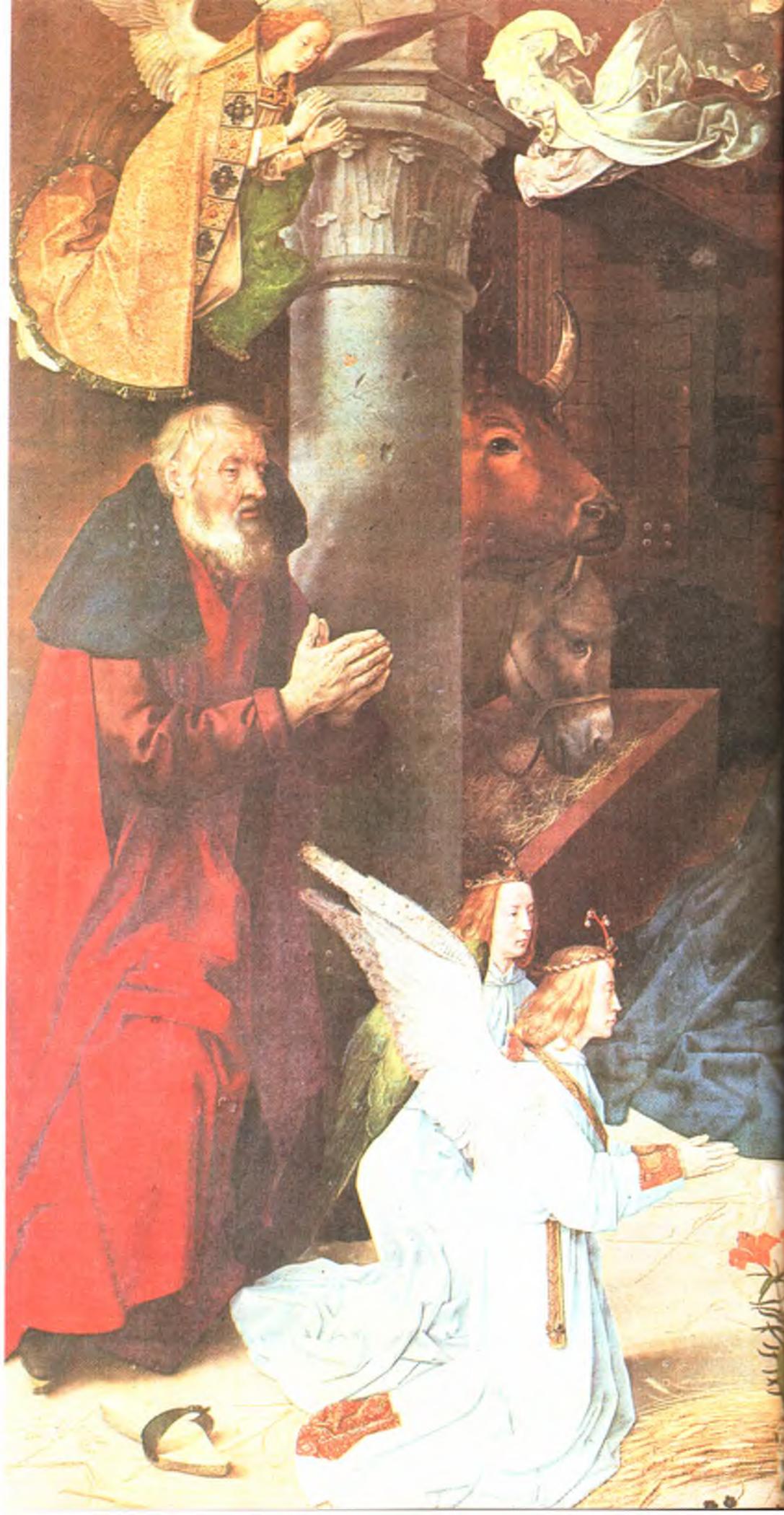
Кто из великих художников позднего Средневековья и эпохи Возрождения не писал такую картину?!

И как красивы эти полотна; какие тут яркие и ясные краски. Какой чистый, прозрачный воздух наполняет пространство. Какое множество фигур, лиц, рук; как восхитительно написаны ткани в струящихся складках. И сколько тут всяческих мелких деталей!

То лукошко, полное куриных яиц, стоит рядом с лукошком, в которое положили Младенца. То стоит бокал из хорошо промытого стекла, в бокале вода, ветка фиолетовых колокольчиков.

Вот висят на гвозде хозяйская холщовая сумка с провизией и бочонок-фляга для воды и вина.

Ван дер Вейден.
Рождество. Ок. 1455

А что за маленькие дети в белом приближаются к Новорожденному? То ангелы размером с куклу.

Поразительно, как много говорят полотна темы Рождества о самом художнике, о его вкусах, склонностях и привязанностях.

У итальянского художника Боттичелли на картине небо сплошь заполнено фигурами грациозных и вдохновенных ангелов; это стройные и гибкие крылатые девушки, у них легкие ступни танцовщиц, их платья струятся в свободном полете. Соединив обнаженные руки, они образуют небесный хоровод. На земле тоже ангелы, у них на земле много забот — они приводят к вертепу пастухов. На крыше сарая тоже ангелы! Поза Младенца подобна ангельской и, конечно, ангелоподобна и Мадонна. А на извилистой тропе, что ведет к вертепу, тоскуют мелкие бесы, им скверно из-за нашествия ангельских сил. Все здесь похоже на красивый спектакль, все обращено к зрителю.

А вот какие ангелы у нидерландца Ван дер Вейдена. Я думаю, ему для ангелов позировали заморские попугаи с ярчайшим оперением, — их привозили из-за далеких морей рыжие капитаны с толстыми трубками в черных зубах. Крыло попугая Ван дер Вейден отдавал ангелу. Еще ему позировали дочери капитанов и жены булочников. Их была целая стая, таких ангелов, они глазели по сторонам, забыв повернуть к Младенцу свои северные лица с белыми ресницами и выпуклыми лбами.

Младенец же лежит прямо на голой земле, кожа под его коленями и на шее собралась некрасивыми старушечьими складками. Новорожденный — человек, подобный всем новорожденным людям на свете; и если б не лучи сияния, исходящие от его кожи, — кто узнал бы в нем Божьего Сына?

В этой картине, да и во всех других, — у Герарда Давида, у Пентуриккио и у Ван дер Хуса — всемерно подчеркнуто главное: чудо рождения.

Рождение всякого человека и всегда — это великое чудо.

Тщательно выявлены человеческие черты во всех лицах на этих полотнах; лысина Иосифа и глуповатое изумление молодого пастуха. Руки ангела натружены, а лица волхвов порой выдают любителей светских развлечений. И если ты увидишь в полотнах северной школы ангела с крыльями, но с энергичным и властным мужским лицом, знай, что это, скорее всего, тот, кто оплатил труд художника, за что и был введен на полотно в виде ангела.

Много неожиданного ты найдешь у Иеронима Босха в картине «Поклонение волхвов». Здесь мир земной развернут по вертикали. Он бесконечен до самого коротко написанного неба. Земля обетованная красива, хоть и пустынна, она светло-коричневая и желтая, как луковая шелуха. На горизонте виден большой древний город с башней и высокими строениями. Ниже видны совсем маленькие люди, всадники двух армий и мирные жители. Кое-где появляются деревья, но крона их не зеленая, а коричневая, цвета йода, — так обычно и расцветивают пейзажи на старинных картинах.

Главное же происходит в нижней части полотна: там убогая, едва живая нищенская хижина с провалами, в одном из них видна морда быка, а снаружи сидит рыжеволосая Мадонна в широком темном, почти черном одеянии, и на коленях у нее сидит крошечный нагой Младенец, похожий на маленькую куклу.

Волхвы сгруппированы слева, их дары причудливы, молодой чернокожий держит в руках подарок в виде удлинённого мяча, на котором сидит прекрасная птица. Но кто же смотрит на все это из черного проема, из глубины вертепа? Какие-то люди, их много, один из них в короне и в пурпурной мантии — неужели сам Ирод? Может быть. На лице его недоброе любопытство.

В золотистом поле картины яркие пятна густого и плотного цвета: темное, почти черное платье Мадонны, пурпурное, красное одеяние старшего волхва, он преклонил колени перед Младенцем. Красная мантия Ирода прилась чуть левее и выше. А за спиной чернокожего стройного и юного волхва в пышных и строгих белых одеждах стоит чернокожий ребенок, очевидно, из его свиты, в красной рубашке. Три «удара» красного цвета обрезают треугольник острием вверх: будет кровь! Будет кровь в судьбе младенца Христа и в судьбе христианства.

А справа из-за хижины выглядывают лица простолюдинов, они любопытны, но совсем не благостны: простой люд набился сюда, чтоб поглазеть на происходящее, и нет ни малейшего признака того, что их, толпящихся и изнывающих от любопытства, коснулась Тайна и Благодать великого События. В самом деле, многие ли тогда, когда родился Христос, поняли, что человеческая история вступает на новый путь?

Все это род людской, в который с этой минуты входит Младенец Христос, Сын Бога, посланный людям.

Но скажи: что общего во всех этих столь различных произведениях?

Я думаю вот что. Каждый художник стремится показать, как беспомощен при рождении Сын Человеческий. Чтобы этот беззащитный розовый комочек выжил, нужно, чтобы ему досталось много человеческой заботы, внимания и нежности. Вот почему все, кто оказывается вокруг Младенца на картинах, направляют на него свое внимание и расположение. Христос нуждается в участии каждого из нас. Такое участие и проявляется в празднествах Рождества, выраженных в искусстве и в домашних хлопотах, предшествующих Рождеству.

А неизменные домашние животные около яслей? Это образы самой природы, которая охраняет свое дитя.

Наконец, чтобы из человеческого младенца получился Человек, необходимо, чтобы он был одухотворен свыше. Вот почему на картинах вы увидите либо лучи вокруг младенческой головки, либо сияние.

Но посмотри, как поразительно отлична икона Андрея Рублева «Рождество Христово» от западноевропейских картин: ты не найдешь здесь ни корзинки, ни крынки, ни таза. Это мир не человеческий, но ангельский, и примет земного быта здесь нет. Мария лежит на ложе, но это не ложе, а скорее облако. Ее фигура словно заключена в прозрачную капсулу, как будто она пребывает в особом святом пространстве. За пределами этого пространства зияет вход в пещеру, где стоят ясли со спеленутым Младенцем, а бык и осел охраняют Его. Поза Марии, ее склоненная к плечу голова выражают печаль, взгляд ее отрешен, она смотрит не на Младенца, но куда-то вдаль. Кажется, она полна скорби и ей открыто будущее ее Сына. Ликующие улыбки ты видишь на лицах ангелов, глядящих на Младенца,

Андрей Рублев. Икона «Рождество Христово».
Первая четверть XV века

но и ликование их застенчиво, и нет ничего общего с бурной радостью танцующих ангелов на картине Боттичелли. Икона полна таинства и, можно сказать, благоговейной тишины.

Обрати внимание: фигура Богородицы и спеленутое тело Младенца имеют пропорции, не соответствующие человеческим, а тем более младенческим. Это очень удлинённые фигуры. Таков канон, который предписывает фигурам на иконах такие пропорции.

И если в западноевропейской живописи все участники События именно люди, то в православной иконе все они приближены к миру святых.

Неисчерпаема и многолика тема Рождества.

Мария — кроткая прелестная женщина с гладкой причёской на прямой пробор, с тонкими чертами умиротворённости спокойного лица — это нидерландская Мадонна.

Мария — равная в семье ангелов, глаза в половину маленького лица, лик тёмный и крошечны младенческие босые ступни, а шея тонкая, как сломившийся стель, и тихая печаль во всем облике, — это русская Богородица.

А вот Мария с картины Брейгеля «мужицкого»: здесь все по-крестьянски просто, быт суров и кажется — мы ощущаем горячий запах хлеба, навоза, пота животных.

Пять веков спустя поэт Давид Самойлов, наш современник, написал стихотворение по мотивам картины Брейгеля — о Рождестве.

БРЕЙГЕЛЬ

(Картина)

Мария была курчава.
Толстые губы припухли.
Она дитя качала,
Помешивая угли.

Потрескавшейся, смуглой
Рукой в ночное время
Помешивала угли.
Так было в Вифлееме.

Шли пастухи от стада,
Между собой говорили:
— Зайти, узнать бы надо,
Что там в доме Марии?

Вошли. В дыре для дыма
Одна звезда горела.
Мария была нелюдима.
Сидела, ребенка грела.

И старший воскликнул: — Мальчик! —
И благословил ее сына.
И, помолвившись, младший
Дал ей хлеба и сыра.

И поднял третий старец
Родившееся чадо.
И пел, что новый агнец
Явился среди стада.

Да минет его голод,
Не минет его достаток.
Пусть век его будет долог,
А час скончания краток.

И желтыми угольками
Глядели на них бараны,
Как двигали кадыками
И бороды задирали.

И, сотворив заклинанье
Сказали: — Откроем вены
Баранам, свершим закланье,
Да будут благословенны!

Сказала хрипло: — Баранов
Зовут Шошуа и Мадох.
И Богу я не отдам их,
А также ягнят и маток.

— Как знаешь, — они отвечали, —
Гляди, не накликай печали!.. —
Шли, головами качали
И пожимали плечами.

Портрет этой Марии резко отличается от образа Богоматери, какой мы уже знаем ее по картинам европейских художников. Отличен он и от Богоматери на православной иконе.

Курчавые волосы, полные губы — лицо израильтянки. Она сидит, согнувшись, у очага, все в ней и вокруг нее выдает мир архаичный и простой. Тут Богу приносят жертвенных животных, как это делал Авель, сын Адама. В Библии говорится: нужно, чтобы человек приносил жертву, отдавая самое дорогое, и тем показывал любовь свою к Богу.

Мне кажется, что эта Мария, которую увидел поэт Самойлов, жила во времена совсем давние; когда еще не было ни государства Иудеи, ни римского владычества, ни переписи. Это какие-то первобытные времена пастушеских племен, а они с Младенцем не в чужом хлеву, а в своем доме. Ведь пастухи говорят: «Что там, в доме Марии?»

Чем все-таки отличается эта Мария, из стихов Д. Самойлова, от той Марии, которую ты представил себе, читая фрагменты из Евангелия? От той Марии, которую ты увидел на картинах европейского Возрождения, и от той, какую изобразил Андрей Рублев?

Отметь, пожалуйста, не только внешние черты портретов.
Что общего у Марии из стихотворения Самойлова с тою, какую ты
видишь, читая Евангелие?

Что ты знаешь о древних традициях жертвоприношений?

Андреа Мантенья. Мадонна с младенцем.
1480–1490

Все елки на свете

59

1. ЕЛКИ

Ты уже много чего узнал про Рождественскую ночь и ты знаешь, что в прежние времена елки всегда наряжались на Рождество. Но у нас после революции были запрещены и Рождество, а заодно и елки, хотя потом елку все-таки разрешили, но только на Новый год. Так было во времена моего детства, и теперь я вижу, что моя новогодняя елка переняла все обычаи елки Рождественской.

Я расскажу тебе старинную сказку про елку, а мне рассказала ее одна совсем древняя украинская бабушка.

«Когда Христос родился, все деревья подошли поздравить Его и принесли подарки, у кого что было: яблоня — яблоки, орешник — орехи. Одна лишь елка стояла в отдаленье и не приближалась.

— Что же ты не подойдешь поздравить Младенца? — спросили у нее другие деревья.

— Я ведь колючая, я боюсь уколоть маленького, — отвечала она.

— Ах ты, добрая печальная елка! — За то наградил ее Младенец и сделал так, что в день его рождения елку украшают яблоками, золочеными орехами, сладостями и всякими игрушками».

Почему в этой сказке деревья заговорили с Младенцем?

(Конечно, в сказках деревья иногда и разговаривают, но тут совсем особый случай.)

Но одно дело — сказка, легенда, предание. Другое дело — наука. То или иное событие или явление объясняют ученые, которые изучают верования, обычаи и представления о мире у разных народов. Оказывается, у человечества, раскиданного по пяти материкам, было много общего.

Жду от тебя «научного» ответа.

Думал ли ты вот о чем: почему на Рождество украшают дерево?

Запомни: елка появилась на Рождество. Но почему на Рождество украшают именно елку? Почему она стоит в центре праздника, а не береза, например, или осина?

Ответить на это довольно трудно, и я хочу кое-что подсказать.

В разных уголках света сложились мифы о МИРОВОМ ДЕРЕВЕ. Это не простое дерево, а мифологическое. Если в космосе возникала угроза самой жизни на земле, мировое дерево уберегало мир от хаоса и распада, устанавливало порядок во Вселенной. Оно вроде оси, на которую нанизан мир, а вернее — все миры. Крона его раскинута в небе, в ней гнездятся птицы — это Верхний мир. Ствол его прорастает сквозь Средний мир, где обитают звери и мы, люди, а корни его углубляются в мир Нижний. Там покоятся умершие, там всяческая нечисть строит козни против людей. Ты же читал про гномов, про колдунов, чародеев?

Украшая елку на Рождество, люди, конечно, не думают о мировом дереве. Но ведь Рождество — совсем особенный праздник, таинственные дела происходят в эту пору года в космосе — мы уже говорили с тобой об этом — так что, может быть, и мы тогда вспоминаем что-то, что знали наши самые далекие предки. Но мы и сами не знаем, что у нас бывают такие воспоминания. Они, как сны...

А теперь подумай: какие приметы мирового дерева можно обнаружить у нашей елки, когда она наряжена? Какие традиционные игрушки на ней указывают на то, что и она принадлежит к числу мифологических деревьев?

Вспомни, какое еще известное тебе дерево стояло в центре мира.

Я часто говорю с тобой о древних обычаях и преданиях. Чего доброго, ты можешь подумать, что и елку наряжали еще в пещере!

Ничего подобного. Елки появились поздно, очень поздно. Говорят, в Германии мастеровые однажды вдруг вытащили на площадь хвойное дерево и украсили его стружечными лентами и яблоками.

Еще говорят, что в той же Германии пастухи первыми придумали наряжать елку на Рождество.

Так или иначе, Рождественская елка родилась в Германии, и скоро она, как магнит, притянула к себе обычаи и привычки Рождества, деревенские и городские традиции и святочные предания, хранимые от древности. И, конечно, она сама стала образом Рождественской ночи!

А из Германии — во Францию, в Англию привезли обычай наряжать Рождественскую елку — кто бы ты думал? — германские принцессы. Они выходили замуж за заморских принцев, уезжали в чужие страны, там и учили прелестной, сияющей и сладкой науке елки.

Вот что написано об этом в одной книжке:

«Во всяком случае, именно немецкая принцесса, выданная замуж за английского принца, нарядила первую елку на Британских островах — для маленьких братьев ее мужа.

Было это в конце XVIII века. Чуть позже — другая принцесса из Германии научила французов наряжать елку на Рождество.

А в России эта традиция появилась примерно в 1830-е годы. У Жуковского, Пушкина, Гоголя елки в детстве не было. И это очень грустно, они бы непременно полюбили этот обычай. И только представь себе, какие «елочные» стихи мог бы написать Пушкин!»

(Е. А. Дьякова. ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ, М., 1994)

Очевидно, еще одна германская принцесса и привезла в Россию обычай наряжать на Рождество елку: это была Мария Федоровна, жена Николая I. Во всяком случае, она помнила, как наряжали елку у нее дома, когда она была маленькой...

Речь здесь идет именно о елке. Но вообще-то на Руси по разным случаям наряжали разные деревья: на Троицу украшали березу лентами, на Пасху возили по улицам Москвы на специальной повозке «вербу» — сухое деревце, украшенное сухими фруктами и бумажными цветами.

Так что давняя привычка к наряженному дереву помогла в России принять и наряженную елку, привыкнуть к ней и полюбить ее.

Почему пастухи, наряжая первую Рождественскую елку, украсили ее яблоками?

«Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сласти. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды».

Так пишет немецкий писатель Гофман в своей замечательной сказке «Щелкунчик».

Хотела попросить: нарисуйте елку с игрушками, да тут же и вспомнила, что нет ничего труднее, чем рисовать елку с игрушками, по себе знаю. Впрочем, может быть, у тебя и получится прекрасная картинка. Если же нет — нарисуй игрушки для елки. А еще лучше — сделай их.

Здесь, в приложении, нарисованы некоторые игрушки, которые ты можешь сделать сам, здесь и выкройки — можно аккуратно вырезать их и склеить.

Почему-то принято, чтобы хоть несколько игрушек были сделаны собственными руками. Это может быть простейший заяц из комочка ватки и с бумажными ушами, сделанный совсем неумелым малышом, но может быть и умопомрачительно прекрасная игрушка вроде того дивного замка, который подарил крестный Дроссельмейер детям Мари и Фрицу — в «Щелкунчике», возле той елки, о которой ты только что прочел.

Итак: «На зеленой, усеянной цветами лужайке стоял замечательный замок со множеством зеркальных окон и золотых башен. Заиграла музыка, двери и окна распахнулись, и все увидели, что в залах прохаживаются крошечные, но очень изящно сделанные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который так весь и сиял (столько свечей горело в серебряных люстрах!), под музыку плясали дети в коротких камзолчиках и юбочках. Господин в изумрудно-зеленом плаще выглядывал из окна, раскланивался и снова прятался, а внизу, в дверях замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмейер, только ростом он был с папин мизинец, не больше».

Обращаю твое внимание на то, что этот самый крестный Дроссельмейер, как выясняется в Рождественскую ночь, оказывается не только изумительным мастером, но и чародеем.

Еще вот что: Мари и Фриц сидят в темной комнате, их не пускают в зал, где родители наряжают елку.

Еще раз перечитай у Гофмана отрывок про чудесный замок, стоящий под елкой, и я уверена, тебе срочно захочется прочитать всего «Щелкунчика», даже если ты раньше и читал его.

Расскажи, в каких стихотворениях или рассказах ты читал о наряженной елке и что тебе запомнилось. Еще хочу, чтобы ты рассказал, как

выглядят игрушки на твоей собственной елке, даже если она уже не настоящая, а искусственная – что поделаешь!

И еще расспроси взрослых – родителей и дедушек и просто старших знакомых, – какие елочные игрушки они помнят из своего детства. (Я, например, помню не только старинного картонного Кота в малиновых сапожках, – его, наверное, сделали в конце прошлого века – но и шарик, сделанный из обыкновенной электролампочки, он был серебряный, с розой на боку, а подарили мне его в 30-е годы уже нашего столетия.)

Почему сохраняется обычай делать елочные игрушки своими руками?

Почему перед Рождеством у Гофмана появился Дроссельмейер, колдун и чародей?

Почему елка и создание игрушек для нее окружены тайной?
(Постарайся написать ответ в виде маленького рассказа или сказки.)

Но, конечно, невозможно кончить так скоро разговор об игрушках и украшениях для елки. Уверю вас, они часто, очень часто не просто забава.

Например, золотая канитель на елке – это пожелание благополучия; пусть оно льется на тебя с небес, подобно щедрому золотому дождю.

Но и еще: золотой елочный дождь подобен золотистой соломе, на которой лежал в хлеву Младенец Христос. В память о том в деревне в ночь перед Рождеством стол застилали соломой, сверху стелили скатерть, а на пол бросали сено.

А цепи, цветные бумажные цепи? Они символизируют нашу связь с Рождеством, а также связь с Богом – ведь Рождество праздник религиозный, а слово «религия» означает «связь»: связь нашу со всем миром, со звездами, с животными, с растениями и со всеми людьми на свете.

А о том, почему горит звезда на верхушке елки, мне просто неудобно тебя спрашивать после всего, что ты уже узнал из нашей тетради! Ну конечно же, это Рождественская звезда, которая зажглась над Вифлеемом и которую увидели пастухи.

А каких только игрушек не было в старые времена! Прочти рассказ Чарльза Диккенса «Рождественская елка», и ты узнаешь, что у английских детей был на елке картонный Ноев ковчег со множеством животных, картонные леди в шелковых юбочках, лошадки и музыкальные коляски, кукольный дом с мебелью внутри, – да что там! Читай сам.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА

(Отрывки)

Сперва я вижу всё только игрушки. Там наверху среди зеленого остролиста и красных ягод ухмыляется, засунув руки в карманы, Акробат, который нипочем не хочет лежать смиренно: кладу его на пол, а он, толстопузый, упрямо перекатывается с боку на бок, покуда не умается, и пялит на меня свои рачьи глаза — и тогда я для виду хохочу вовсю, а сам в глубине души боюсь до крайности. Рядом с ним — эта адская табакерка, из которой выскакивает проклятый Советник в черной мантии, в отвратительном косматом парике и с разинутым ртом из красного сукна: он совершенно несносен, но от него не отделаешься, потому что у него есть обыкновение даже во сне, когда меньше всего ожидаешь, величественно вылетать из гигантской табакерки. Картонная леди в юбках из голубого шелка, прислоненная к подсвечнику и готовая затанцевать, — она добрей, она красивая; но я не сказал бы того же о картонном человечке, побольше ее, которого вешают на стену и дергают за веревку: нос у него какой-то зловещий; а когда он закидывает ноги самому себе за шею (что он проделывает очень часто), он просто ужасен, с ним жутко оставаться с глазу на глаз.

<...> В те дни, глядя на старого ослика с корзинами (вот он висит и здесь), я не спрашивал, из чего он сделан. Помню, шкура на нем, если пощупать, была настоящая. А большая вороная лошадь в круглых красных пятнах, лошадь, на которую я мог даже сесть верхом, — я никогда не спрашивал себя, почему у нее такой странный вид, и не думал о том, что такую лошадь не часто увидишь в Нью-Маркете.

У четверки лошадей, бесцветных рядом с этой, которые везли фургон с сырами и которых можно было выпрягать и ставить, как в стойло, под рояль, вместо хвостов были, по-видимому, обрывки мехового воротника, а вместо гривы еще по обрывку, и стояли они не на ногах, а на колышках, но это все было иначе, когда их приносили домой в подарок к Рождеству. Тогда они были хороши; и сбруя не была у них бесцеремонно прибита прямо к груди, как это ясно для меня теперь. Тренькающий механизм музыкальной коляски состоял — это я выяснил тогда же — из проволоки и зубочисток; а вон того маленького акробата в жилетке, непрерывно выскакивающего с одной стороны деревянной рамки и летящего вниз головой на другую, я всегда считал существом, хотя и добродушным, но придурковатым; зато лестница Иакова с ним рядом, сделанная из красных деревянных квадратиков, что со стуком выдвигались друг за дружкой, раскрывая каждую новую картинку, вся сверху донизу в звонких бубенчиках, была чудо из чудес и сплошная радость.

Ах! Кукольный дом! Он, правда, не был моим, но я хаживал туда в гости. Я и вполовину так не восхищался зданием парламента, как этим особнячком с каменным фасадом и настоящими стеклянными окнами, с крылечком и настоящим балконом, таким зеленым, каких теперь никогда не увидишь — разве где-нибудь на курорте; но и те представляют собой лишь жалкую подделку. И хотя открывался он весь сразу (что неприятно поражало, так как обнаруживалось, что за парадным ходом нет лестницы), но стоило только закрыть его опять, и я снова мог верить. В нем даже и в открытом были явно две отдельные комнаты, гостиная и спальня, изящно меблированные, а к ним еще и кухня! Кухня была лучше всего: с плитой, с кочергой из не-

обыкновенно мягкого чугуна и со множеством всяческой утвари в миниатюре — ох, и с грелкой! — и с оловянным поваром в профиль, всегда собирающимся зажарить две рыбины. И с каким же восторгом я, как тот нищий в гостях у Бармесида*, отдавал должное княжескому пиршеству, когда передо мною ставились деревянные тарелочки, каждая с особым кушаньем, окороком или индейкой, намертво к ней приклеенной, под каким-то зеленым гарниром — теперь мне вспоминается, что это был мох! Разве могли бы все нынешние Общества Трезвости, вместе взятые, угостить меня таким чаем, какой пивал я из голубеньких фаянсовых чашечек, в которых жидкость в самом деле держалась и не вытекала (ее наливали, помню, из деревянного бочонка и она отдавала спичками), и которые превращали чай в нектар? <...> И если я однажды завопил как отравленный и поверг в ужас приличное общество, когда мне случилось выпить чайную ложечку, растворенную ненароком в слишком горячем чае, так это мне ничуть не повредило — принял порошок, только и всего!

<...> Хорош для Рождества алый цвет нарядки, в которой Красная Шапочка, пробираясь со своей корзиночкой сквозь чащу (для нее елка — целый лес), подходит ко мне в сочельник! Она была моей первой любовью. Я чувствовал, что если бы мог я жениться на Красной Шапочке, то узнал бы совершенное блаженство. Но это было невозможно; и не оставалось ничего, как только высмотреть Волка.

<...> И тут я, видимо, впервые знакомлюсь с томлящим ощущением, — не раз потом возникавшим у меня в моей дальнейшей жизни, — что завтра я не смогу вернуться в скучный мир установленных правил; что я хочу остаться навсегда в яркой атмосфере, которую покидаю; что я всей душой отвержен маленькой фее с волшебной палочкой, похожей на жезл небесного цирюльника, и мечтаю сделаться бессмертным, как фея, чтобы вечно быть возле нее.

* ... как тот нищий в гостях у Бармесида... — Здесь упоминается эпизод из книги сказок «1001 ночь», в котором рассказывается о скупом богаче из знатного персидского рода Бармесидов, который предлагал нищему Шакабаку пустые блюда, красочно описывая отсутствующие яства и вина.

Какие игрушки из тех, что описаны у Диккенса, ты смог бы сделать сам?

Теперь ты можешь сам написать несколько строк о том, какие растения украшали английский дом на Рождество, как появилась на Британских островах Рождественская елка, которую стали украшать такими чудесными игрушками, что Диккенс запомнил их на всю жизнь. И, не глядя в тетрадь, перечисли, какие игрушки ты запомнил из тех, что висели на диккенсово́й елке. Ведь это не просто безделушки, за каждой из них стоит своя сказка, легенда, а то и страница Библии. А значит, эта елка похожа на собрание иллюстраций ко всему, что знал английский ребенок в начале прошлого века. Согласись, что знал он немало...

Часто в рассказах и стихотворениях о Рождественской елке появляются игрушечные ангелы; они восковые, они крайне хрупки. И если игрушки из картона или ваты иногда живут сто или больше лет, то все восковые, должно быть, давно исчезли, оставив память о себе в литературе.

У Леонида Андреева в рассказе «Ангелочек» растаял восковой ангел, которого бедный мальчик, приглашенный на праздник в богатый дом, увидел на елке:

«<...> он увидел то, чего не хватало в картине его жизни и без чего кругом все было пусто, точно окружающие люди неживые. То был восковой ангелочек, небрежно повешенный в гуще темных ветвей и словно реявший по воздуху. Его прозрачные стрекозиные крылья трепетали от падавшего на них света, и весь он казался живым и готовым улететь. <...> Сашка сложил руки на груди и шептал:

— Милый, милый ангелочек <...>

Другие игрушки как будто гордились тем, что они висят, нарядные и красивые, а он был грустен и боялся яркого назойливого света и нарочно скрылся в темной зелени, чтобы никто не видел его».

И еще — сладкие игрушки.

На елке висят конфеты, привязанные к веткам красными тонкими лентами. На ее ветвях развешивали игрушки сахарные и игрушки пряничные. У Валентина Катаева в повести «Белеет парус одинокий» маленький мальчик по имени Павлик, на Рождество проснувшийся до рассвета, потихоньку пробрался в заветную комнату, где... Впрочем, лучше я приведу целый отрывок:

Пришло Рождество.

Павлик проснулся на рассвете. Для него сочельник был двойным праздником: он как раз совпадал с днем рождения Павлика.

Можно себе представить, с каким нетерпением дожидался мальчик наступления этого хотя и радостного, но вместе с тем весьма странного дня, когда ему вдруг сразу делалось четыре года!

<...> В квартире все еще крепко спали; даже на кухне не слышалось Дуниной возни. Четырехлетний Павлик проворно вскочил с кровати и «сам оделся», то есть напялил задом наперед лифчик с полотняными пуговицами и сунул босые ножки в башмаки.

Осторожно, обеими руками открывая тяжелые скрипучие двери, он отправился в гостиную. Это было большое путешествие маленького мальчика по пустынной квартире. Там впотьмах, наполняя всю комнату сильным запахом хвои, стояло посредине нечто громадное, смутное, до самого паркета опустившее лапы в провисших бумажных цепях.

Павлик уже знал, что это елка. Пока его глаза привыкали к сумраку, он осторожно обошел густое, бархатное дерево, еле-еле мерцающее серебряными нитями канители. Каждый шаг мальчика чутко отдавался в елке легким бумажным шумом, вздрагиванием, шуршанием картонажей и хлопучек, тончайшим звоном стеклянных шаров.

Привыкнув к темноте, Павлик увидел в углу столик с подарками и тотчас бросился к нему, забыв на минуту о елке. Подарки были превосходные, гораздо лучше, чем он ожидал: лук и стрелы в бархатном колчане, роскошная книга с разноцветными картинками: «Птичий двор бабушки Татьяны», настоящее «взрослое» лото и лошадь — еще больше, еще красивее, а главное, гораздо новее, чем Кудлатка. Были, кроме того, жестяные коробочки монпансье «Жорж Борман», шоколадки с передвижными картинками и маленький торт в круглой коробке.

Павлик никак не ожидал такого богатства. Полон стол игрушек и сластей — все это принадлежало только ему.

<...> Устроив эту триумфальную башню из игрушек и налюбовавшись ею властью, мальчик снова вернулся к елке. Его уже давно тревожил один очень большой, облитый розовым сахаром пряник, повешенный совсем не высоко на желтой гарусной нитке. Красота этого звездообразного пряника с дыркой посредине вызвала непреодолимое желание съесть его как можно скорее.

Не видя большой беды в том, что на елке будет одним пряником меньше, Павлик отцепил его от ветки и сунул в рот. Он откусил порядочный кусок, но, к удивлению своему, заметил, что пряник вовсе не такой вкусный, как можно было подумать. Больше того, пряник был просто отвратительный: тугой, жирный, несладкий, с сильным запахом патоки. А ведь по внешнему виду можно было подумать, что именно такими пряниками питаются белоснежные рождественские ангелы, поющие на небе по нотам.

Павлик с отвращением повесил обратно на елку надкушенный пряник. Было очевидно, что это какое-то недоразумение. Вероятно, в магазине случайно положили негодный пряник.

Тут Павлик заметил другой пряник, еще более красивый, облитый голубым сахаром. Он висел довольно высоко, и пришлось подставить стул. Не снимая пряника с ветки, мальчик откусил угол и тотчас его выплюнул — до того неприятен оказался и этот пряник.

Но трудно было примириться с мыслью, что все остальные пряники тоже никуда не годятся.

Павлик решил перепробовать все пряники, сколько их ни висело на елке. И он принялся за дело. Высунув набок язык, кряхтя и сопя, мальчик перетаскивал тяжелый стул вокруг елки, забирался на него, надкусывал пряник, убеждался, что дрянь, слезал и тащил стул дальше.

<...> Но в это время послышался свежий шелест праздничного платья, и тетя, сияя улыбкой, заглянула в гостиную.

— А-а, наш рожденик встал раньше всех! Что ты здесь делаешь?

— Гуляю около елочки, — скромно ответил Павлик, глядя на тетю доверчивыми, правдивыми глазами благовоспитанного ребенка.

<...> Вечером к Павлику привели гостей — мальчиков и девочек. <...> Наступил желанный миг раздачи орехов и пряников. Дети обступили елку и, став на цыпочки, потянулись к пряникам, сияющим как ордена. Елка зашаталась, зашумели цепи.

Вдруг раздался звонкий, испуганный голосок:

— Ой, смотрите, у меня надкусанный пряник!

— Ой, и у меня!

— У меня — два, и все объеденные...

— Э! — сказал кто-то разочарованно. — Они уже вовсе не такие новые. Их уже один раз кушали.

Тетя стояла красная до корней волос среди надкусанных пряников, протянутых к ней со всех сторон.

Наконец, ее глаза остановились на Павлике:

— Это ты сделал, скверный мальчишка?

— Я, тетечка, их только чуть-чуть хотел попробовать, — сказал Павлик, невинно глядя на тетю широко открытыми, янтарными от елки глазами. И прибавил со вздохом: — Я думал, они вкусные, а они, оказывается, только для гостей.

Почему так важно, чтобы звезда на елке сияла?

Да и вообще на елке много сияний и сверканий — сияют золотые шары, горят свечки или лампочки, их свет вспыхивает на мелких блестках, которыми украшены игрушки...

Что это за свет и сияние, исходящие не только от звезды, но и от всей елки?

Почему на елке среди множества всяческих игрушек появлялся маленький ангел? О чем должно было напомнить изображение ангела в ночь Рождества?

Почему елку должны украшать всевозможные «сладости»?

3. ПОДАРКИ

А под елкой лежали подарки: «Вокруг елки всё пестрело и сияло! Не знаю, кому под силу это описать!.. Мари увидела нарядных кукол, хорошенькую игрушечную посуду, но больше всего обрадовало ее шелковое платьице, отделанное плетеными лентами».

Это все тот же «Щелкунчик», а о том, что подарили брату Мари, ты прочитаешь сам.

Но тут обрати внимание на обычай дарить на Рождество новое платье.

Новая одежда в условиях праздника — это знак обновления, начало новой жизни.

(Кстати, в народных Рождественских праздниках, если ты помнишь, появляются ряженые в старых, вывернутых наизнанку, тулупах — это образ старости и умирания. Вот только по законам праздника эти «старцы» умирают, но и тут же воскресают.)

Но мы сейчас говорим о Рождественских подарках.

Этот обычай идет от даров, принесенных Младенцу Христу.

Подарки Младенцу несли пастухи и волхвы. Напоминаю: пастухи принесли ягненка — по крайней мере, так сообщается в Рождественской пьесе «Вертеп кукольный».

Ты уже знаешь, что волхвы дарили: один — золото, в знак того, что считает Новорожденного царем. Другой — кадило с ладаном, поскольку родился на свет Сын Божий, ему воздаются почести, как Богу в церкви во время богослужения. Третий подарил смирну, а этот дар означает, что он предназначен смертному.

Я думаю, по той самой причине, что Младенец получил дары, и тебе под елкой полагается подарок.

Придумывая свои подарки Младенцу, родившемуся в ту ночь, помни: подарки должны быть значимы. Они что-то должны означать. Но, может быть, тебе для этого есть смысл нарядиться пастухом или волхвом?

Если решил, посмотри приложение, там все показано.

Нарядился — и в добрый путь, с дарами!

Да, но вообще-то традиция делать подарки в Новомодье шла из Рима. Там в дни зимних праздников — сатурналий — взрослые дарили друг другу свечи, а детям дарили кукол: глиняных, деревянных, костяных и даже серебряных. Покупай любую, на какую у тебя хватит сестерций, римских монет! В Риме открывался специальный кукольный торг.

С тех пор куклам под Новый год — особое внимание. Но более всего активна и оживленна жизнь вокруг кукол на Рождество!

Советую девочкам, ожидающим новую куклу под елкой, не бросать и старых: их следует умыть, причесать, починить и хорошо бы сшить новые платья. Это же их праздник!

Да, это праздник и кукол тоже. И есть прекрасное повествование о бедной французской девочке Козетте — несчастнее ее не было, наверное, ребенка в целой Франции. В ночь под Рождество произошло настоящее чудо, и жизнь маленькой девочки переменялась. Об этом написал Виктор Гюго в романе «Отверженные».

Но как же можно обозначить подлинное чудо? Каким самым ярким и сверкающим знаком можно подать сигнал о чуде?

Да, с помощью куклы, конечно!

Читай!

Козетта, как мы уже сказали, не испугалась.

Человек заговорил с ней. Голос его был тих и серьезен.

— Дитя мое, твоя ноша слишком тяжела для тебя.

Козетта подняла голову и ответила:

— Да, сударь.

— Дай мне, — сказал он, — я понесу.

Козетта выпустила дужку ведра. Человек пошел рядом с ней.

— Это действительно очень тяжело, — пробормотал он сквозь зубы. Потом спросил:

— Сколько тебе лет, малютка?

— Восемь лет, сударь.

— И ты идешь издалека?

— От ручья, который в лесу.

— А далеко тебе идти?

— Добрых четверть часа.

Путник помолчал немного, потом вдруг спросил:

— Значит, у тебя нет матери?

— Я не знаю, — ответила девочка.

И прежде чем он успел вновь заговорить, она добавила:

— Думаю, что нет. У других есть. А у меня нет.

<...> — Козетта! — повторила кабатчица.

Козетта взяла куклу и с каким-то благоговением, смешанным с отчаянием, осторожно положила ее на пол. Потом, не сводя с куклы глаз, она сжала ручки и — страшно было видеть этот жест у восьмилетнего ребенка <...>

Приезжий встал из-за стола.

— Что случилось? — спросил он. <...>

— Эта сквернавка осмелилась дотронуться до куклы моих детей! — ответила кабатчица.

— И только-то? — сказал человек. — Что ж тут такого, если она и поиграла этой куклой?

— Но она трогала ее своими грязными руками! Своими отвратительными руками! — продолжала кабатчица.

(Перевод с франц. Д. Г. Лившиц)

Но — стой, остановимся и посмотрим, что было раньше с Козеттой, бедной сиротой, которую мучили ее хозяева, содержащие кабак. Бедный оборвыш, она стояла вечером перед будочкой, которая торговала игрушками перед Рождеством, у самой Козетты и игрушек-то не было, только маленькая сабля, должно быть, от оловянного солдатика, она ее кутала в тряпку и баюкала. А между тем в витрине рождественской будки среди прочего выставлена была самая необыкновенная кукла на свете! Большая. Красивая. В платье из розового крепа. С золотыми колосьями на голове.

Никто, никто во всей округе не мог купить своей дочке такое сокровище. И кабатчик Тенардь, и его жена тоже не могли купить столь дорогую куклу своим обожаемым дочкам, злым и ленивым, они обижали Козетту, как будто она была Золушка при жестоких сестрах, точно как в сказке. Только не принц явился за Козеттой, а старый прохожий, почти что волшебник. Он встретил Козетту в лесу, куда злые хозяева послали ее за водой, к ручью, помог нести тяжелое деревянное ведро и зашел вместе с нею в трактир, спросил, можно ли переночевать в этой деревенской гостинице. Он все следил за Козеттой, забывшейся под стол, она укладывала спать свою сабельку и поглядывала на хозяйских дочек, игравших со своей неплохой и не очень старой куклой. А когда они отвлеклись и стали играть в дочки-матери с котенком, она потихоньку и взяла их куклу. Ей, конечно, влетело от хозяйки, еще как! Козетта рыдала, посетители трактира шумели, а загадочный гость смотрел в открытую дверь...

Вернемся опять к тексту романа В. Гюго.

По всей вероятности, в продолжение того часа, который он пробыл здесь, погруженный в задумчивость, он успел смутно разглядеть эту игрушечную лавку, так ярко освещенную плашками и свечами, что сквозь окна харчевни это обилие огня казалось иллюминацией.

Козетта подняла глаза. Человек, приближавшийся к ней с этой куклой, казался ей надвигавшимся на нее солнцем, ее сознания коснулись несслыханные слова: «Это тебе», она поглядела на него, поглядела на куклу, потом медленно отступила и забила под стол в самый дальний угол, к стене.

Она больше не плакала, не кричала, — казалось, она не осмеливалась даже дышать.

<...> День еще только занимался, когда те из жителей Монфермейля, которые начали отпирать свои двери, увидели, как по Парижской улице шел бедно одетый старик, ведя за руку маленькую девочку в трауре, державшую розовую куклу. Они шли по направлению к Ливри.

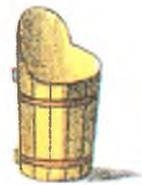
Это были наш незнакомец и Козетта.

Прошу тебя предложить свою собственную версию ответа на вопрос: почему при Рождестве присутствуют именно куклы?

А я расскажу тебе народную версию ответа про Рождество и кукол. Мне о том поведала деревенская старушка (сказочница из-под города Львова):

«Ночью сверху из-под крыши хаты по стене спускаются махонькие прозрачные куколки, то души предков. Я в сочельник, как спать ложиться, стол к стенке придвигаю, чтоб им удобнее. А как же! Они ведь ужинать пришли, им на столе и кутья стоит, и узвар... это такая сладкая каша, а узвар — компот... Обычай такой, так всегда делают, и родители наши готовили на Рождество, и деды и прадеды, а там уж и не знаю...»

В самом слове «Рождество» заключено не только понятие о рождении нового ребенка, но еще и понятие о Роде. Род — это все, кто родился в любой семье: младенцы, дети, подростки, юноши, родители, бабушки, дедушки — так до самых пра-пра-прабабушек и таких же древних дедушек. У каждого из нас есть РОД.

А кого ты знаешь из своего рода?

Ну а теперь я адресую тебе стихи Бориса Пастернака, отрывок из его знаменитого стихотворения «Рождественская звезда», который ты непременно должен прочитать, а лучше — выучить наизусть, потому что это — стихи золотого фонда нашей культуры.

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей площадки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горящей скирдой
Соломы и сена
Средь целой вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.

Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то,
И три звездочета
Спешили на зов небывалых огней.

За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослей
Другого, шажками спускались с горы.

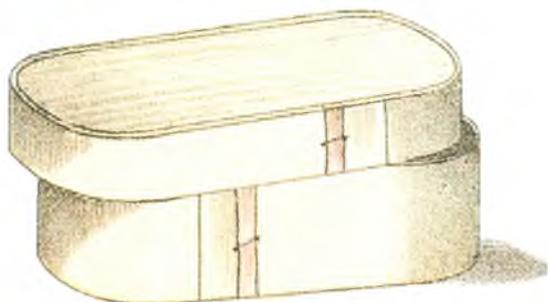
И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали всё пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Всё будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Всё великолепье цветной мишуры..
...Всё злей и свирепей дул ветер из степи..
...Все яблоки, все золотые шары.

Посмотри, как разрастается в стихотворении Пастернака свет над землей. Я прошу тебя описать в прозе: в каких образах поэт дал такое нарастание света, от маленькой площадки до целой вселенной, встревоженной новым заревом?

В этом набирающем силу освещении появляются волхвы, верблюды и ослики. Они везут дары. А ты посмотри, как дары в стихотворении связаны со строчкой «И странным виденьем грядущей поры...». Видение — это все радости будущей Рождественской елки. Попробуй объяснить, каким образом Пастернак вводит эти картины будущего в степной, а вернее, пустынный пейзаж: ведь, хотя дует злой и свирепый ветер, все-таки дело происходит там, где обычен зной, где пески...

А теперь постарайся увидеть все, что перечислил поэт в «виденье грядущей поры». Перечисли и опиши своими словами «всё пришедшее после», связанное с Рождением Христа, с украшением Рождественской елки.

Приложение

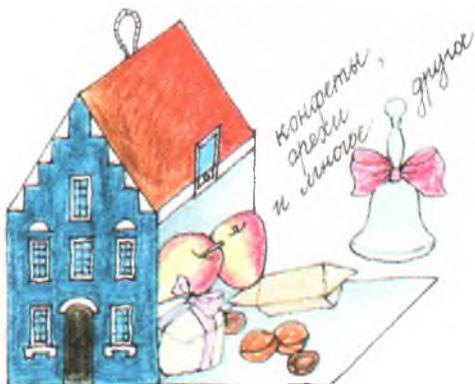
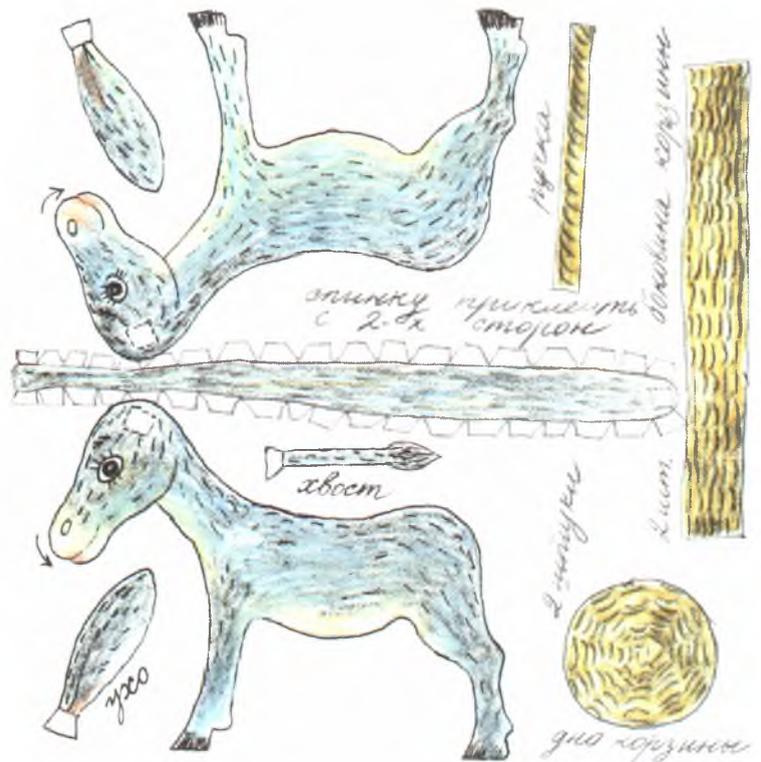

Как делать игрушки

1. Можно сделать, например, клоуна: возьми яйцо, проткни скорлупку осторожно толстой иглой с двух концов, теперь выдуй из скорлупы белок и желток. Пустая скорлупа станет головой елочного клоуна. Сверни фунтик из нарядной цветной бумаги — это будет его колпачок. Возьми полоску тонкой бумаги, а еще лучше — ленточку и собери ее на нитку, как показано на рисунке, это будет жабо, воротник клоуна. Теперь нужно аккуратно приклеить и колпачок и жабо. А теперь самое интересное: нужно нарисовать клоуну лицо, лучше акварельными красками. Осталось только прикрепить петлю из яркой нитки к колпачку и наклеить на колпак звездочки, их можно вырезать из золотой или серебряной бумаги. Игрушка готова!

2. Посмотри внимательно на выкройки и чертежи игрушек, которые тут для тебя приготовлены. Аккуратно перенеси чертеж или выкройку на плотную бумагу, и ты сможешь вырезать и склеить: коробочку для конфет, домик с трубой и крыльцом, ослика с корзинками и подарками и Рождественскую звезду. Игрушки можно раскрашивать, но можно и вырезать из красивой цветной бумаги. Потом игрушку нужно украсить блестками, фольгой, золотой и серебряной краской и лентами. Ведь елочная игрушка должна блестеть и немного сверкать.

Конечно, сегодня можно купить самые разные елочные украшения. Но и в прежние времена можно было купить готовые игрушки ничуть не хуже, а даже наоборот, много лучше. И все-таки к Рождеству необходимо было хоть пару игрушек, но сделать своими руками. Зачем это нужно — ты уже знаешь, если прочел нашу тетрадь. И ведь действительно нужно!

Объясни, почему так важна традиция — делать что-нибудь самому, своими руками, готовясь к Рождеству.

Особо ценились прежде так называемые бон-боньерки, то есть красивые маленькие коробочки для конфет, а также для мелких подарков. Вот уж действительно славная память о волхвах!

Как раньше делали игрушки?

Ответ на этот вопрос может дать отрывок из повести А. Н. Толстого «Детство Никиты».

С большого стола в столовой убрали скатерть. Матушка принесла четыре пары ножниц и стала заваривать крахмал. Делалось это так: из углового шкафчика, где помещалась домашняя аптечка, матушка достала банку с крахмалом, насыпала его не больше чайной ложки в стакан, налила туда же ложки две холодной воды и начала размешивать, покуда из крахмала не получилась каша. Тогда матушка налила в кашу из самовара крутого кипятку, все время сильно мешая ложкой, крахмал стал прозрачный, как желе, — получился отличный клей.

Мальчики принесли кожаный чемодан Анны Аполлоновны и поставили его на стол. Матушка раскрыла его и начала вынимать листы золотой бумаги, гладкой и с тиснением, листы серебряной, синей, зеленой и оранжевой бумаги, бристолевский картон, коробочки со свечками, с елочными подсвечниками, с золотыми рыбками и с петушками, коробку с дутыми стеклянными шариками, у которых сверху была серебряная петелька, — с четырех сторон они были вдавлены и другого цвета, затем коробку с хлопушками, пучки золотой и серебряной канители, фонарики с цветными слюдяными окошечками и большую звезду. С каждой новой коробкой дети стонали от восторга.

— Там еще есть хорошие вещи, — сказала матушка, опуская руки в чемодан, — но мы их пока не будем разворачивать. А сейчас давайте клеить.

Виктор взялся клеить цепи, Никита — фунтики для конфет, матушка резала бумагу и картон. Лиля спросила вежливым голосом:

— Тетя Саша, вы позволите мне клеить коробочку?

— Клей, милая, что хочешь.

Дети начали работать молча, дыша носами, вытирая крахмальные руки об одежду. Матушка в это время рассказывала, как в давнишнее время елочных украшений не было и в помине и все приходилось делать самому. Были поэтому такие искусники, что клеили — она сама это видела, — настоящий замок с башнями, с винтовыми лестницами и подъемными мостами. Перед замком было озеро из зеркала, окруженное мхом. По озеру плыли два лебедя, запряженные в золотую лодочку.

Лиля, слушая, работала тихо и молча, только помогала себе языком в трудные минуты. Никита оставил фунтики и глядел на нее. Матушка в это время вышла. Виктор развешивал аршин десять разноцветных цепей на стульях. — Что вы клеите? — спросил Никита.

Лиля, не поднимая головы, улыбнулась, вырезала из золотой бумаги звездочку и наклеила ее на синюю крышечку.

— Вам для чего эта коробочка? — вполголоса спросил Никита.

— Эта коробочка для кукольных перчаток, — ответила Лиля серьезно, — вы мальчик, вы этого не поймете. — Она подняла голову и поглядела на Никиту.

О том, как делали елочные игрушки, есть смешной рассказ у писательницы Тэффи «Сладкие воспоминания». Вот отрывок из него.

«Помню, жила я у помещиков, у Еремеевых. Барин там особенный был. Образованный, сердитый. И любил, чтобы непременно самому к елке картонажи клеить. <...> Накупит золотых бумажек, проволоки, все барынины картонки раздерет, запретя в кабинете и давай клей варить. У барыни мигрень, у сестрицы евоной под сердце подхватывает. Кота и того мутило. А он знай варит, да варит. Да так, без малого неделю. Злющий делается, как пес на цепи. <...> С лица весь черный, бородаща в клею, руки в золоте. А главное, требовал, чтобы дети ничего не знали: хотел, чтобы сюрприз бы был».

В этом забавном рассказе «Сладкие воспоминания (Рассказ нянюшки)» есть, кроме курьезной ситуации, несколько примет собственно Рождества. Перечисли их.

На Рождественскую елку, как ты уже знаешь, вешали еще и пряники.

Эти лакомства называли «пряниками» потому, что в их тесто полагалось положить много пряностей, чтобы они стали душистыми. Пряники бывают печатные (помнишь, у Пушкина «заедает пряником печатным»?); Такие пряники «печатаются»: на раскатанное тонким слоем тесто накладывают доску, а в деревянной доске выдолблен узор. Он и отпечатается на тесте. Когда-то мастера пряничного дела заводили себе большой набор разных досок — их еще называли «штампами». И что это были за штампы! Звери и птицы с пышными хвостами, домики и целые дворцы. А иногда и картинки, изображающие людей, — целые сцены. С помощью штампов можно было сделать и крошечный пряник, вроде бы кукольный, и пряник-великан, в три метра! Целый дом. Это был подарочный пряник. Но вообще-то все пряники — подарочные: всякий пряник дарили детям, взрослым, родственникам и друзьям. Чтобы пряник был нарядным, его украшали белой и цветной глазурью, а иногда даже золотили. Очень красивы и вкусны были пряники из Тулы и Вязьмы. Они и сейчас там пекутся. Еще хороши пряники из Архангельска, в виде оленей с ветвистыми рогами.

Пряник можно вырезать формой из раскатанного теста, а можно и слепить самому.

В Германии были к Рождеству свои пряники, впрочем, эта традиция и сейчас сохранилась. У них и формы другие, и вкус другой.

Не помнишь ли ты случайно, в какой немецкой сказке есть пряничный домик?

Теперь я приведу некоторые рецепты пряничного теста.

Пряники

ПРЯНИКИ СЫРЦОВЫЕ

Сахар растворяют в воде, кипятят, снимают пену и охлаждают сироп. Смешивают сахар, патоку, мед, жженку (жженный сахар), молотую корицу и другие пряности или «сухие духи», меланж. Затем к ним добавляют сироп, все хорошо перемешивают. После этого добавляют муку, смешанную с содой и аммонием. Готовое тесто быстро разделяют и выпекают.

ПРЯНИКИ ЗАВАРНЫЕ

В котел кладут мед, патоку, сахар, наливают воду, нагревают массу до 120°, снимают пену и сироп процеживают. Когда сироп остынет до 70—80°, быстро всыпают муку и замешивают тесто. В конце замеса добавляют сдобу, пряности и разрыхлитель.

Пряничное тесто раскатывают пластами на столах, посыпанных мукой, вырезают выемкой различные фигурки или режут на куски и штампом (пряничной доской) печатают рисунок. Выемки и штампы посыпают мукой, чтобы тесто к ним не прилипло.

Выпекают пряники сразу после разделки при 200—250°. После выпечки их глазируют сиропом.

Мука 450 г, сахар 300 г, мед 200 г, патока 100 г, масло сливочное 50 г, «сухие духи», пряности 4 г, сода 2 г, аммоний 3 г, яйцо, меланж 50 г, вода 300 г.

Н. И. Ковалев. Русская кулинария. М., 1973.

В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами.

Н. В. Гоголь. Вий.

ВЕРТЕП — пещера, подземный или иного устройства скрытый притон; едва подступные овраги.

<...> Юж. зрелище в лицах, устроенное в малом виде, в ящике, с которым ходят о святках, представляя события и обстоятельства рождения Иисуса Христа.

В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.

Сделаешь к Рождеству домашний вертеп? Захватывающее занятие, уверяю тебя.

Предлагаю на выбор три пьесы.

Первая — самая почтенная: это текст народный, так он и звучал в вертепном кукольном театре лет двести, а то и больше, а кто его написал — этого сегодня никто не знает. Если кукольник был грамоте не обучен, он запоминал на память все слова, но на Украине, как писал Гоголь, вертеп носили бурсаки, а уж читать-писать они умели.

И вот много лет спустя одному ученому случайно попала в руки ветхая потрепанная тетрадка с записью пьесы, сделанной очень крупными буквами, расплывшимися от старости.

Эта пьеса построена именно так, как обычно строятся пьесы народного театра, то есть фольклорные. А народный театр (мы с тобой уже осведомлены об этом) предназначался зрителям, которые заранее знали, о чем пойдет речь, знали историю поклонения Младенцу, злодеяний Ирода и вмешательства Ангела в земные дела. Вот почему как бы ослаблены связи отдельных кусков сюжета, а некоторые вещи совершенно не объясняются, хотя для нас сегодня кое-что нужно бы и объяснить. Но что замечательно в этом тексте: во-первых, появляется Ангел, крылатая кукла, поет кондак (это такое церковное песнопение, которое сообщает о жизни какого-либо святого). «Дево днесь пресущественного рождает», — поет Ангел. Это на Праздник поют в церкви!

Слова и ноты Рождественских песнопений для вертепного театра ты найдешь в этой тетради. Так что наш с тобой кукольный вертеп становится не только театром, но и немного храмом. А во-вторых, обрати внимание на «прения» Ирода со Смертью. Это великолепный диалог, и он пришел в кукольную пьесу из русского фольклора, из фольклорного театра. Разговор со Смертью, словесная схватка и борьба с ней остались от древних мифов. Вот мы с тобой и узнали, что народный театр — это сама память фольклора, память культуры.

Но откуда появляется кукла Смерти в вертепе? Ведь в Евангелии ее нет.

Представляется поразительным появление в вертепе зловещей куклы в белом капюлоне и с косой. Я думаю, она появилась так: апостол

Вертеп

Матфей пишет: «По смерти же Ирода, — се, Ангел Господень во сне является к Иосифу в Египте. И говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца». По смерти Ирода! От этих слов родился образ Смерти, как она выглядит в произведениях фольклора. Попробуй сам догадаться: почему в вертепе появляется кукла Черт, хозяин ада, и сама тема ада, куда утащат Ирода?

В отрывке из пьесы, который тут приведен, дело на этом и кончается, зло в лице Ирода наказано, Ангел торжествует. А вообще в полном тексте народной пьесы есть продолжение, как будто никакого отношения к евангелическому сюжетам не имеющее, но тем не менее создающее веселое настроение: выходят пары разных национальностей, переговариваются, пляшут, уходят. Украинский писатель Иван Франко сказал, что это представлен весь народ, какой живет на земле, — род людской. Наверное, так оно и есть.

Текст второй пьесы — «Рождество...» — для малышей, чтобы сыграть ее в кукольном Рождественском театре. Текст очень прост. Я думаю, он подойдет тебе, если ты собираешься показывать вертеп младшим братьям и сестрам, младшим классам в твоей школе или, скажем, в детской больнице, если тебе захочется устроить праздник малышне, которую Рождество застанет по несчастью в больничной постели. В этой маленькой пьесе, наверное, более понятна связь явлений, о которых тут идет речь. Здесь сохранена основа народной драмы, только осовременена речь персонажей и зарифмованы строчки, чтобы удобнее было их запомнить — стихи ведь выучить легче.

Третья пьеса — Михаила Бартенева и Андрея Усачева «Бык, Осел и Звезда». И хотя приводится только отрывок, ты, конечно, сразу поймешь, что это замечательная современная пьеса. Подумать только — Событие, высшая точка человеческой истории, увидено не волхвами, пастухами, горожанами или ангелами. Но — глазами животных, не больше и не меньше! Все знают, что они, «домашние звери», присутствовали при Рождестве и даже проявили себя с лучшей стороны. Но что они чувствовали, о чем думали, когда в холодной тьме, в полночь рожден был Младенец, а угроза уже нависла над ним... Ведь ты слышал, наверное, что животные более чутки, чем люди, и первыми предчувствуют землетрясение или какую-нибудь космическую катастрофу. Если выберешь эту пьесу и захочешь нарисовать животных или сделать их в виде кукол, постарайся, чтобы у них получились симпатичные морды.

Да! А если эту пьесу захочется сыграть не в куклах, а «в живом плане», как говорят актеры, можешь обойтись плащами и масками животных. Маски могут быть и плоскими.

Придумай сам кукольный театр для этой пьесы. Какая форма самого театратора? Что за куклы — звери, птицы, люди? Они, эти персонажи, могут быть плоскими, вырезанными из картона, их можно водить на проволоке.

Но, может быть, ты сможешь сделать театр теней? Подумай сам, как его устроить.

Играют, как ты помнишь, в вечер Рождества любой из вертепных сюжетов.

Играть Вертеп можно все святки, до Крещения, после же народная традиция не разрешает.

Кстати, почему? Полагаю, вспомнив главу «В деревне», ты сможешь ответить на этот вопрос.

Играют Вертеп сколько хочешь актеров-кукловодов. В народном театре справлялся один, а у тебя могут быть помощники. Даже самые маленькие дети любят принимать участие в этом таинственном действе, держат звезду над театрником.

Ты можешь играть дома. А можешь прикрепить к театрнику ляжку и отправиться с ним в путь, как настоящий бродячий кукольник! И играть в гостях.

Подумай сам, как, где и для кого ты сможешь сыграть ВЕРТЕП КУКОЛЬНЫЙ, чтобы он, как ему и полагается, явился бы

ВАЖНЫМ СОБЫТИЕМ — в жизни твоей и вообще человеческой.

Расскажи про **РОЖДЕСТВО**

и

покажи в **ТЕАТРЕ,**

КАК

ВСЕ БЫЛО

тогда в Вифлееме

и как все случается ежегодно

ЗДЕСЬ

и

СЕЙЧАС.

Пьеса для кукольного вертепного театра, так ее играли в прежние времена. Куклы, как мы уже знаем, движутся очень медленно. Голова царя Ирода действительно отваливается (она прикрепляется на нитке, на магните или на липучке).

Итак:

СМЕРТЬ ЦАРЯ ИРОДА

Старинное народное представление для публики с пением и рассказами. Здесь дается в сокращении.

(Кто хочет, может взять полный текст в книге «Фольклорный театр». М., «Современник», 1988, с. 335—345.)

Пьеса 6я

[С. 14]

(ар. 6.)

[С. 14]

(ар. 12.)

[С. 15]

(ар. 13, 16.)

Пьеса 6я

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЦАРЬ ИРОД (фигура его выше всех остальных кукол), в синей куртке, красных штанах и красной мантии; на голове — корона, через плечо — полоска золоченой бумаги в виде орденой ленты, грудь в крестах и медалях, в руке обнаженный меч.

ДВА АНГЕЛА, в белой длинной одежде, украшенной полосками серебряной бумаги, за плечами крылья из перьев, в руках деревянные ветви.
ТРИ ЦАРЯ. Два — в черных, один — в желтой куртке, в красных штанах, в голубых мантиях; на голове короны из серебряной бумаги, на груди кресты и медали (но меньше, чем у царя Ирода), в руках нечто неопределенной формы, долженствующее изображать, по словам хозяев театра, «злато, ливан и смирну».

ПАСТУШОК, в обыкновенной крестьянской одежде, в высокой шапке, в лапотках; кнут кольцом — через плечо, в руках большой пастуший рог и палка-посох.

При пастушке (соединены с ним проволокой) две овечки — белая и черная с белыми пятнами.

ВОИНЫ (числом шесть), трое в золоченых и трое в серебряных доспехах, в касках, с копьями и обнаженными саблями. Кроме того, у задней стенки театра, по сторонам трона царя Ирода, стоят еще шесть неподвижных воинов, одетых точно так же.

РАХИЛЬ, одета в модное платье с пышными рукавами, юбка красная, кофта голубая, на шее бусы, простоволосая; в руках спеленутый ребенок.

СМЕРТЬ (вырезанный из картинки скелет, подклеенный на картон), в белом покрывале (саван), с косой в руках.

ЧЕРТ, весь обшит черной овчиной, рот, нос, глаза и уши красные, с рогами и с хвостом.

Явление 1

Из правой двери выходят два Ангела с зажженными свечами, идут к пещере с пением:

Дево днесь пресущественного рождает
И земля вертеп к непроступному приносит,
Ангелы же с пастырями славословят,
Волствие же со звездой путешествуют,
Нам бо ради родися,
Отроча млада, предвечный Бог.

Ангелы поклоняются и уходят в левую дверь с пением.

Явление 2

Из правой двери Пастушок гонит двух овечек к пещере, падает на колени и молится с пением.

ПАСТУШОК. Нова радость стала,
Яко в небе хвала,
Над вертепом звезда ясна,
Светла воссияла.

Пастушки идут с ягнятками,
Пред малым дитятком
На колени упали,
Христа прославляли:
«Молим, просим, Христе-царю,
Небесный государю,
Даруй лето счастливое,
Всему господину!»

Уходят в левую дверь с пением.

Явление 3

Выходят три Царя. Они входят в правую дверь, а два в левую дверь, поворачиваются к пещере с поклоном и с пением.

ЦАРИ (*поют*). Шедше трие цари
Ко Христу со дары,
Ирод им предвластен,
Куда идут спросити.

Здесь говор.

Идем к рожденному,
Идем поклониться.

Снова пение.

Идем поклониться,
Пред царем явиться,
Аще поклонюся,
Пред царем смирюся,
Где Христос родися,
Там звезда явися;
Звезда грянет чудно
С востока до полудня.

Цари поворачиваются все вместе к правой двери с пением.

Ангел им являет,
На путь наставляет.

Явление 4

Выходит к ним Ангел из правой двери и говорит им:

Идите иным путем,
К Ироду не ходите:
Ирод смущает,
Волхвов созывает,
Младенцев избивает.

Пение Царей.

Шедше трис цари
Во свои во страны,
Христа славословят,
Чая в небе быти,
На вси хвалити.

Цари с пением уходят: два в левую дверь, а один в правую с Ангелом.

Явление 5

Входит царь Ирод в правую дверь, садится на царский трон и говорит.

ИРОД. Аз есмь царь,
Кто может мя снить?
Пошлю своя воины
В страны вифлеемския
Избить младенцев,
Сущих первенцев.

(Встает на троне с громким говором.)

Воины мои, воины,
Воины вооруженные,
Встаньте предо мной.

Явление 6

Воины входят в правую дверь и становятся перед царским тронном в два ряда.

ВОИНЫ. Почто, царю, нас призываете,
Что творить повелеваете?

ИРОД. Подите в страны вифлеемские,
Избейте всех младенцев,
Сущих первенцев.

ОТВЕТ ВОИНОВ. Ваше царское величество,
Ходили мы в вифлеемские страны,
Избивали всех младенцев,
Сущих первенцев.

Одна госпожа Рахиль
Не дает своего чада убить,
А хочет итти
К вашей милости просить.

ИРОД. Кто она такова?

Привести ее сюда!

ВОИНЫ. Идем и приведем!

Воины уходят все в левую дверь.

Явление 7

Один Воин приводит Рахиль к царю Ироду. Рахиль падает на колени и плачет.

РАХИЛЬ. О, царю,
Великий государю!

Помилуйте мое чадо-отрочате,
Чтобы не было чего на том свете отвечать!

ИРОД. Воин, возьми его и убей,
Чтобы не было более душе и телу скорбей.

РАХИЛЬ. Царь, помилуй мое чадо!

ИРОД. Воин, возьми и убей его!

Воин вытаскивает младенца у нее из рук и тыкает его на копы. Рахиль падает на землю и плачет.

ПЛАЧ РАХИЛИ

Ах, увь! Ах, увь!
В горести, печали!
Ах, увь! Ах, увь!
В горести, печали!

Вижу младенца прободенную утробу
И предаюся гробу.

*Плач повторяется два раза сряду. Рахиль
все время лежит на полу у трона.*

Явление 8

*Является к ней (Рахили) Ангел в белой оде-
жде, с крыльями, поднимает ее и говорит.*

АНГЕЛ. Не плачь, Рахиль,
Восстань, Рахиль,
Увидишь свое чадо
У царя небесного в руках.

*Ангел идет с пением и уводит Рахиль в
правую дверь.*

ПЕНИЕ АНГЕЛА.

Не плачь, Рахилья,
Зря чада тело,
Не убьют душу
Военная крылья,
Но Бог принимает
Во своя святыни <...>
Маленькое чадо
В рае будет радо.

Пение повторяется два раза <...>

Явление 10

*В правую дверь входит Смерть в белом
саване.*

СМЕРТЬ. Аз есть малахия,
Сильнейший воин.
Всеми свету пани <...>

(От сего говор к Ироду).

Полно тебе, Ирод,
Проклятый, безумный,
На сем свете жить,
Пора тебе, Ирод,
Во ад снить!
ИРОД. Ах, Смерть моя, мати,
Я не хочу с тобой добровольно поступати,
А хочу воевати,
Дабы неповинное царство узнати.
СМЕРТЬ. Ах, ты, Ирод,
Проклятый, безумный <...>
Воскликну я своего брата
Из пропускного ада.

*Смерть поворачивается к левой двери и
говорит громким голосом.*

СМЕРТЬ. Ах, брат мой,
Стань предо мной!

Явление 11

*Является Черт, с рогами, с хвостом, страш-
ный, как пишется.*

ЧЕРТ. Ого, сестра,
Зачем призвала?
СМЕРТЬ. Да вот, Ирод
Проклятый, безумный,
Не хочет со мной добровольно поступать,
А хочет со мной воевать,
Дабы неповинное царство узнать.
ЧЕРТ. Возьми, сестра, косу
Сними ему главу.
Ему труп и голова,
А нам с тобой держава.

*Черт отходит. Смерть царю Ироду на
троне голову снимает косою и держит за во-
лосы, а тело падает с трона. Черт подбе-
гает к телу царя Ирода.*

ЧЕРТ. О, проклятый Ироде,
За твои превеликия злости
Поберу тя в преисподнюю бездну..

*Захватывает тело царя Ирода. Ирод про-
валивается вместе с Чертом в люк (в пре-
исподнюю).*

*Смерть с головой Иродовой уходит в левые
двери. <...>*

РОЖДЕСТВО

Для того, чтобы играть в вертепном театре

Часть I

ЗВЕЗДА ЯВИЛАСЬ

ГАДАТЕЛЬ. Я книгу читал, как всегда,
Вдруг в небе явилась звезда.
Я новую эту звезду
На карте никак не найду.
ВОЛХВЫ. 1-й. Я тоже звезду увидел
2-й. Я новые вести узнал
3-й. Родился младенец в хлеву,
Ему поклоняться зову.
ИРОД. Я младенцев ненавижу,
И царь Ирод, страшно злой.
Что я слышу, что я вижу,
Кто идет моей тропой?
ВОЛХВЫ. Это мы, волхвы.
ИРОД. Не желаете ли передохнуть,
И куда вы держите путь?
ВОЛХВЫ. О Ирод, правитель могучий!
В твоём царстве родился,
На сене утвердился
Чудесный младенец, к нему идем!
Имя его всюду прославится,
Дела его добрым людям понравятся.
ИРОД. Ну и ну! Что ж, идите,
Да на обратном пути ко мне заверните,
А что увидите — расскажите.

(Волхвы уходят.)

ГАДАТЕЛЬ. О, Ирод, Ирод! В царстве твоём
родился, на сене утвердился великий царь.
Ступай, гадалец презренный!
Все цари на земле тленны.
Какой еще царь? Царь — это я,
И эта земля моя.

(Занавес.)

Часть II

ПРИШЛИ

ВОЛХВЫ. Мария! Это мы пришли,
Дары младенцу принесли,
Вот миро,
Вот кадило,
А вот это золото.
Прими, Мария!
Славься, Мария!
Сыну твоему слава, Мария!
ПАСТУХ. Пошел я, увидев звезду,
Не знал я, куда я приду.
С новорожденным тебя, милая женщина,
Вот ему от меня ягненок.
ВОЛХВЫ. Младенца нам видеть отраднo,
Но все же пошли мы обратно.
АНГЕЛ. К Ироду не ходите,
Другим путем идите.

ВОЛХВЫ. Ангел божий, к Ироду не пойдем,
Иначе вернемся в свой дом.
АНГЕЛ. Беда, Иосиф, беда, Мария!
Великое зло замыслил Ирод.
Мария! Скорее отсюда беги,
Младенца своего береги,
В Египет спешу на осле,
Сиди поудобней в седле!

(Святое семейство уезжает.)

Часть III

ЗЛОДЕЙСТВО

ИРОД. Где младенец? Где волхвы?
Обманули! Не пришли!
Эй, воины, воины вооруженные,
Встаньте предо мной,
Как лист перед травой!

СОЛДАТЫ. О, грозный Ирод-царь,
почто нас призывает,
Что делать повелевает?

ИРОД. Ступайте и перебейте всех младенцев,
Сущих первенцев!

СОЛДАТЫ. Пойдем и перебьем!

(Уходят.)

ИРОД. Я этого младенца со звездой
не потерплю,

Я его повешу, сожгу и утоплю.

СОЛДАТЫ. О, Ирод, грозный царь,
мы тебе верно служили,

Младенцев всех перебили,
Да встретилась нам госпожа Рахиль,
Не хочет свое дитя отдать,
А хочет перед тобою речь держать.

ИРОД. Привести ее сюда!

СОЛДАТЫ. Пойдем и приведем!

РАХИЛЬ. О, Ирод, грозный царь!
Ребеночек мой мал,

Никому зла не причинял,
Помилуй мое дитя!
ИРОД. Я приказал не шутя!
Эй, воины!

(Солдаты уносят младенца.)

РАХИЛЬ. Ах, увы, ах, увы,
В горести-печали
Матери рыдали.

АНГЕЛ. Не плачь, Рахиль,
Младенец твой

На небе обретет покой,
В саду он будет проживать
И райским яблочком играть.

РАХИЛЬ. Ангел, ангел! Верю тебе.

Но неужто Ирод будет жить на земле?

СМЕРТЬ. Эге, Ирод!

Хватит тебе на свете жить,
Довольно тебе зло творить,
Над малыми детками издеваться,

Пора тебе со мною в путь собираться!

ИРОД. Смерть моя, мати!

Дай мне пожить еще три года.

СМЕРТЬ. Не дам и трех недель.

ИРОД. Смерть моя, мати!

Дай мне пожить еще три дня.

СМЕРТЬ. Не дам и трех часов.

ИРОД. Смерть моя, мати!

Дай только три часа.

СМЕРТЬ. Не дам и трех минут

Вот моя острая коса!

(Бац — и отрубила голову!)

Эй, черт, мой брат,

Сволоки-ка тело в ад!

ЧЕРТ. Хи-хи-хи! Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

(Утащи.)

АНГЕЛ. Вот и все. История наша кончается,
Звезда золотая качается,
А Рождество продолжается.

Михаил БАРТЕНЕВ
Андрей УСАЧЕВ

БЫК, ОСЕЛ И ЗВЕЗДА

(По Жюльо Сутервелью)

(Отрывок)

Действие второе

Когда ночь светла, можно ли сказать точно, сколько времени прошло? И настал ли новый день, и настала ли новая ночь?.. В хлеву спит Мужчина. Спит Младенец. Спит Женищина. И Волхвы спят возле хлева. И Осел спит стоя, почти касаясь головой земли. Только Бык не спит.

БЫК. Сколько времени...

ОСЕЛ (вздрагивая). Откуда я знаю, не мешай спать!

БЫК. ...сколько времени прошло, а я так и не загадал желание. А все потому, что я никак не могу выразить его словами...

ОСЕЛ. Вот и хорошо. Меньше будешь бубнить.

Появляется Лев. Он несет на плече мертвую Антилопу. Рядом — неизменный Шакал.

ЛЕВ (бросает Антилопу на землю, любит ее). Царский подарок!

ШАКАЛ. Царский обед.

ЛЕВ. А если отрываешь от себя царский обед, разве это не царский подарок?

ШАКАЛ. А если ты отрываешь царский обед от меня?

(Лев грозно рычит.)

Хорошо, хорошо. Где уж нам? Мы свое место знаем. Нам бы только косточку с царского стола...

Лев хватая мертвую Антилопу и тащит ее к хлеву. На пути его становятся Бык и еще не до конца проснувшийся Осел.

БЫК. (Льву). Что вы натворили?

ШАКАЛ. Как ты разговариваешь с царем, урод!

БЫК. Прошу прощения. Что вы натворили, ваше величество?!

ЛЕВ. Я задрал Антилопу, если ты это имеешь в виду.

БЫК. О, да, я именно это имею в виду. Я нахожу это ужасным...

ЛЕВ. Ты сошел с ума, винторогий!

ШАКАЛ. Ха-ха! Винторогий! Ха-ха!

ЛЕВ (Быку). Ты что, не узнаешь меня? Я — Лев.

Понимаешь? Я — Лев, а она — Антилопа.

Она — Антилопа, а я — Лев. Не понимаешь?

БЫК. О нет, это я хорошо понимаю.

ЛЕВ. Так что ж ты тогда говоришь? Лев создан охотиться за Антилопой, Антилопа создана убежать от Льва. Это, между прочим, не я придумал.

ШАКАЛ. И не я.

ЛЕВ. И если уж Лев догонит Антилопу, тогда...

БЫК. Да, это я понимаю. И как бы ни было это прискорбно, я с этим смирился. Но что гонит Льва? Злость? Нет. Жестокость? Нет. Его гонит голод. Убить Антилопу, чтобы съесть ее...

ШАКАЛ. Это очень правильно.

БЫК. Увы, да... Но убить Антилопу... в такую ночь... чтобы подарить...

ШАКАЛ. Вот видишь, ваше величество, пора кушать.

ЛЕВ (*не слушая Шакала*). В такую ночь?.. Тут ты прав. В любую другую ночь я бы тут же разодрал ее в клочья. Но в эту странную ночь мне почему-то захотелось сделать подарок. И я принес ее. А что, скажи, я мог еще подарить? Я, Лев? ОСЕЛ (*Быку*). Слушай, а он ведь прав. Он — Лев. И это такой его подарок. Что он, действительно, мог еще подарить? И кому было бы лучше, если бы он ее просто сожрал?

ШАКАЛ. Мне! Мне было бы лучше!

Лев очень грозно рычит. Шакал вжимается в землю.

БЫК. Наверное, я взялся не за свое дело. Поучать Льва, когда и сам-то еще не до конца разобрался... Проходите, я так думаю.

Бык и Осел расступаются, давая дорогу Льву. Тот берет Антилопу и тащит ее к хлеву. У входа останавливается, оглядывается, потом входит. Просыпаются Мужчина и Женищина. Встают возле колыбели. Слышны их встревоженные голоса. Свет, исходящий из яслей, становится ярче. Из хлева, пятясь, выходит Лев. Он дрожит и ничего не может сказать. Появляется Антилопа. Она идет неуверенно, как после долгого сна. Потом поворачивается и преклоняет колени передних ног, застывая как бы в глубоком поклоне.

АНТИЛОПА. Спасибо тебе, царь! (*Поворачивается ко Льву*) И тебе — спасибо!

(Длинным красивым прыжком скрывается из виду.)

ЛЕВ. Чтобы я еще когда-нибудь... кого-нибудь...

БЫК. Ну, что вы! Что вы такое говорите? Вы же отощаете, вроде меня. А вам нельзя. Вы — царь.

ЛЕВ. Я — царь? Какой я царь. Царь — там. (*Кивает в сторону хлева.*)

ОСЕЛ. Там — царь людей. А вы — царь зверей.

БЫК. Да-да, вы Лев. Этого ведь никто не отменял.

ЛЕВ. Вы так думаете? (*Пауза*) Не знаю. Все это нужно хорошенько осмыслить...

(Медленно уходит.)

ШАКАЛ. Все. Кажется, придется прикинуться собакой и идти к людям.

Мужчина выходит из хлева и идет куда-то.

...

Звучит музыка. С неба спускаются дивные Птицы, чтобы вместе с Женищиной охранять сон ребенка. Одна из них пролетает довольно низко над землей. Шакал подпрыгивает, пытаясь укунить ее.

ШАКАЛ (*в недоумении*). Странно, я же, вроде, укусил, а во рту ничего не осталось.

ОСЕЛ. Глупый ты зверь, Шакал. Это тебе не голуби.

БЫК (с гордостью). Эти чудесные птицы стали появляться здесь после рождения нашего мальчика!

ШАКАЛ. Голуби — не голуби! Какая разница? Есть охота.

ОСЕЛ. Нет, ты все-таки ужасный зверь, Шакал. Охота ему есть — и все тут. Мать родную — и ту бы, наверно, сожрал!

ШАКАЛ. Мать бы не сожрал... (Пауза.) Я — сирота. (Всхлипывает.) Нет у меня мамы. И папы нет. И Лев вот тоже куда-то ушел... (Поджав хвост, убегает.)

...

БЫК. Убежал... А мне его жалко.

ОСЕЛ. Еще бы! Сирота...

БЫК. Мне жалко его — он ничего не понял. Впрочем, я ведь тоже ничего не понял.

ОСЕЛ (прислушиваясь). Тихо! Я что-то слышу.

БЫК. Я тоже.

ОСЕЛ. Как ты можешь слышать? У тебя короткие уши.

БЫК. Я сам удивляюсь.

ОСЕЛ. Какой странный звук... По-моему, это... Нет, скорее это...

БЫК. Это храпят Волхвы.

ОСЕЛ. Не может быть!

БЫК (со вздохом). Может...

Волхвы действительно храпят. На три голоса и с каждым разом все громче.

ОСЕЛ (подходит к Волхвам). Ай-ай-ай! Разбудят Младенца.

БЫК. Ты не умеешь свистеть?

ОСЕЛ. Нет, а зачем?

БЫК. Когда наш хозяин ночью храпел, хозяйка тихонько свистела, и он затихал. (Пробует свистеть.) Ф-ф-фу! Ф-ф-фу!.. Не получается.

ОСЕЛ. Я знаю, что надо делать. (Поворачивается к Волхвам задом и кончиком хвоста щечечет им носы.)

Волхвы поочередно чихают и перестают храпеть.

БЫК. Вот теперь тихо.

ОСЕЛ. Нет. Я все равно что-то слышу. Что-то тревожное. Пойду прислушаюсь... (Уходит.)

...

БЫК. О, беззащитный Младенец! В этом печально признаться, но что поделаешь, если это так? Да, я не столь красив, как хотелось бы. У меня плохая фигура, толстая кожа, нелепая походка. А эти рога, вечно кого-нибудь пугавшие? Теперь они, правда, не более, чем украшение. Впрочем, я не уверен, что и оно мне к лицу. Вот если бы я был не красивый, но умный, это был бы выход из положения. Но я и не умный. Был бы я умней, я бы давно уж во всем разобрался! И вот временами я спрашиваю себя: быть может, я оказался рядом с Тобой по какой-то ошибке? За что Ты выбрал именно меня? То есть выбирал меня, конечно, не Ты, а Твои родители... А может быть,

и Ты тоже, хотя я и не понимаю, как это может быть? Ну, почему, скажем, было не выбрать моего старшего брата — он гораздо красивее меня и умнее. И уж, наверное, он сумел бы выразить словами то желание, которое переполняет меня. Мне неудобно обращаться к Тебе с просьбой, но раз уж выбрали меня, раз уж так случилось, помоги мне разобраться в простых вещах, разобраться и выразить словами!

...

Звучит музыка. Птицы улетают на небо. Возвращается Мужчина с охоткой соломы в руках. Входит в хлев, укрывает соломой Младенца. Женщина отделяет от соломы небольшой пучок и выносит его Быку. Кладет перед ним на землю, гладит его по впалым бокам. Затем снова скрывается в хлеве. Солома источает свет.

БЫК. Какая заботливая у меня хозяйка. Ей так хочется, чтобы я поел. Но разве можно есть солому, пронизанную его светом? Конечно, сил на то, чтобы стоять, у меня остается все меньше и меньше. Но ничего. В конце концов, не смогу стоять — буду лежать. Я так думаю.

...

Неожиданно возвращается одна из Птиц. Она чем-то встревожена. Подлетает к хлеву. Повисает над головой вышедшего Мужчины. Такое впечатление, что она что-то рассказывает ему.

БЫК. Мне кажется, что эта прекрасная Птица принесла какую-то очень тревожную весть.

...

Возвращается Осел.

БЫК. Ну, тебе удалось что-нибудь услышать?

ОСЕЛ. С такими ушами — и не услышать? Но лучше бы мне не иметь таких ушей. Я услышал много звуков, и все они враждебные. Очень!

...

Появляется Шакал. На голове у него сверкает медный шлем. У входа в хлев он останавливается, не зная, то ли войти, то ли убежать.

ОСЕЛ. Что это ты напялил на свою глупую голову?

ШАКАЛ (смущенно). Это... Это... В общем, я тоже решил сделать ему подарок... Вот. (Сбрасывает шлем на землю.)

БЫК. Как это мило с твоей стороны. А что это такое?

ОСЕЛ. Где ты это взял?

ШАКАЛ. Да тут недалеко. Это было на голове у воина, которого только что задрал Лев.

ОСЕЛ. У воина?!

ШАКАЛ. Да. Он хотел проткнуть Льва копьем. Лев очень переживает, но у него не было выхода.

Осел рассматривает шлем.

Нравится? Могу еще принести.

ОСЕЛ. То есть как это — еще?

ШАКАЛ. А там этих воинов полным-полно.

Могу попробовать...

ОСЕЛ. Значит, там много воинов. Так вот, значит, что я слышал...

БЫК. Не знаю, почему, но мне кажется, что нашему Младенцу угрожает опасность.

Осел громко и протяжно ревет. Шакал убегает. Из хлева выходит Мужчина, поднимает шлем, уносит его внутрь и что-то говорит Женщине. Проснувшиеся от ослиного рева Волхвы подслушивают. Потом начинают быстро-быстро собираться в обратный путь.

...

Возвращаются Верблюды. Облик их резко изменился. У одного горбого горб раздулся, как огромный курдюк, он еле-еле тащит его. А у двугорбого и трехгорбого выросли крылья. У одного поменьше, у другого — побольше.

ТРЕХГОРБЫЙ. Спасибо тебе, о великий маленький Царь! Ты выполнил все наши желания. ОСЕЛ. Приходите еще.

Верблюды кланяются. Волхвы продолжают суетиться, что-то с жаром обсуждая между собой. Верблюды прислушиваются.

(Верблюду.) Что они там говорят?

ТРЕХГОРБЫЙ. Они говорят, что к вашему хозяину кто-то прилетел...

БЫК. Да-да, я сам это видел!

ТРЕХГОРБЫЙ. И он рассказал, что царь той страны, откуда пришли ваши хозяева, увидев звезду на небе, все понял и приказал воинам найти и убить Младенца. «Ибо не может быть у одной страны два царя». Так он сказал.

БЫК. Это ужасная история.

ОСЕЛ. Вечно ты впадаешь в панику раньше времени!.. Но на сей раз ты, кажется, прав.

Волхвы подбегают к Верблюдам, навьючивают на них поклажу, потом забираются сами. У одного горбого подкашиваются ноги.

ТРЕХГОРБЫЙ. Прощайте, друзья!

ДВУГОРБЫЙ. Пускай сбудутся и ваши желания!

ОДНОГОРБЫЙ. Только не такие тяжелые!..

Два Верблюда взмахивают крыльями и взлетают. Один высоко, другой — не очень. А третий — Одногорбый — едва плетется на полусогнутых ногах. «Быстрее! Быстрее!» — подгоняет его один из Волхвов на непонятном языке.

...

Бык делает несколько шагов за Верблюдами и, не удержавшись, с грохотом падает на землю.

ОСЕЛ. Что с тобой?

БЫК. Пожалуй, я немного полежу.

ОСЕЛ. Нашел время!

На шум выбегают Мужчина и Женщина, бросаются к Быку, пытаются помочь ему встать. Поняв тщетность попыток, Мужчина машет рукой и уходит обратно в хлев. Женщина в одиночку пытается поднять Быка.

...

ОСЕЛ. Ну, да. Я попросил его, чтобы все было так, как есть, и не хуже. Можно подумать, мне не хочется иметь крылья! Или, хотя бы, чтоб уши мои стали чуть-чуть покороче. Или чтоб голос мой звучал чуть мелодичнее. Разве не хочется мне всего этого? Хочется. Да еще как хочется! Но в такие моменты, когда одни летают, а другие лежат, кто-то не должен просто стоять? Крепко стоять на земле, и все.

...

Появляется запыхавшийся Лев.

ЛЕВ *(Ослу)*. Я не понимаю, что происходит, но они уже совсем близко. Они идут сюда. Это очень опасно. Я чувствую. Забирайте царя людей и уходите. Медлить нельзя!

ОСЕЛ. Легко сказать — уходите. А он вот лег и не может подняться. *(Кивает в сторону Быка.)*

Женщина, склонившись над Быком, что-то шепчет ему на ухо, уговаривая подняться.

ЛЕВ. Ай-ай-ай, какая неприятность! Хорошо, я попробую их немножко задержать, еще немножко. Я попробую!

ШАКАЛ *(неожиданно появляясь возле Льва)*. Мы попробуем!

Лев и Шакал уходят. Женщина, оставив Быка, убегает в хлев.

Вертеп может быть и двухэтажным, и одноэтажным. Одноэтажный — домик с покатой крышей. Между задней стенкой и передней частью дома идет щель, прорезь, и в боковых стенках прорезь тоже. По этим прорезям и водят кукол. В одноэтажном вертепе кукол водят сверху, так что кукловод виден зрителям, но внимание их обращено к сцене. Через боковые щели кукол выводят из вертепа, когда они отыграют свою роль. Передней стенки нет, но могут быть двери, как у ворот сарая, или же занавес. На задней стенке можно укрепить картину, какую-нибудь репродукцию на тему Рождества, но можешь и нарисовать что-нибудь сам. Для такого вертепа хорош и посылочный ящик от фруктов, только его нужно немного доработать. Плоских кукол (я говорю о бумажных) нужно делать двусторонними, чтобы у них были лицо и спина. Волхвов, как и пастухов, можно соединить, чтобы получилась одна группа, так легче их водить.

Прежде чем склеить обе половины куклы, вставь между ними длинную проволоку — именно ее ты будешь держать над крышей вертепа, стоя позади него, чтобы вести куклу. Чтобы удобнее было держать жесткую проволоку, конец ее следует загнуть петлей или прикрепить рукоятку. Кукла появляется из боковой прорези, медленно движется по прямой линии, если нужно, останавливается, уходит в боковую прорезь с другой стороны.

Можно, если сумеешь, сделать и объемных бумажных и даже тряпичных кукол.

И все-таки настоящий вертеп — двухэтажный, хотя и одноэтажные тоже были.

В двухэтажном вертепе все куклы — и плоские, и объемные — насажены на штыри, снизу остается тонкая палка или проволока, за нее держат и водят куклу. Причем задняя, уже достаточно высокая, стена двухэтажного вертепа делает кукловода невидимым для зрителей, что усиливает сценический эффект.

Двухэтажный вертеп немножко похож на дворец и на церковь, и его старательно украшают, а на обоих этажах вешают занавеси из легкой и нарядной материи. Главное же в том, что в полу и первого и второго этажа прорезаны фигурные щели, поэтому у кукол, которых, как я уже сказала, водят снизу, более затейливый маршрут. На верхнем этаже проходят сцены Рождества, поклонения волхвов и пастухов, явление ангела. На нижнем этаже обитают Ирод, его солдаты. Туда приводят Рахиль, туда является Смерть и Черт.

Что представляют собой две маленькие и неглубокие кукольные сцены с фигурными прорезями в полах? На задней стенке во втором этаже нужно пристроить «задник», как в настоящем театре. Это может быть красивая репродукция какой-нибудь известной картины на тему Евангелия. Но может быть и пейзаж, причем не обязательно лишь такой, который дает понятие о южных или восточных краях. Вспомни: у Пас-

Как сделать вертеп

тернака в стихотворении «Рождественская звезда», отрывок из которого ты прочел в этой тетради, кто-то идет к вертепу в тулупе, а на снегу остаются следы босых ступней невидимого ангела. Так вот, задник может быть любым, следы только за тем, чтоб на его фоне четко различались фигуры Марии с Младенцем и Иосифа — это центральная группа сцены, а справа и слева в задней стене должны быть дверные проемы, в которые ты будешь вводить кукол на сцену. На дверные проемы обычно вешают легкие занавески — выходя к зрителям, кукла своим корпусом их раздвигает.

Все, что происходит на верхнем этаже вертепа, таинственно, тихо и торжественно. Куклы движутся медленно, застывают в неподвижности. Все происходит как будто во сне. Ведь это не простое пространство, а священное, и вообще второй этаж — это в строении вертепа небеса, а в небесах все немножко по-другому, чем на земле.

А что же на земле, в нижнем этаже? Тут задник может изображать дворец царя Ирода, а можно просто нарисовать драпировки. Кстати, мне приходилось видеть старинный народный вертеп, в котором задние стенки на обоих этажах были оклеены красивыми неяркими обоями. Справа и слева такие же входы.

На узких боковых стенках можно повесить легкие занавески — кулисы. Посреди нижней сцены поставь трон Ироду, его нетрудно сделать самому (интересно, как ты представляешь себе трон?). Ирод, Солдаты, Черт... Эти персонажи подвижны и энергичны, движения их довольно резки.

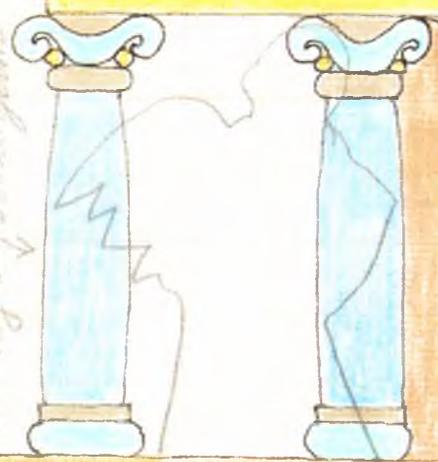
Солдат может поднять руку с копьем, чтобы острием копья подцепить младенца и отнять у Рахили. Смерть должна взмахнуть косой, а тем временем ты незаметно дернешь за нитку, прикрепленную к голове Ирода, и голова отвалится — как будто Смерть ее и срубила! Смерть движется медленно и весьма зловеще. Рука куклы Смерти, как и рука солдата, прикрепляется так, чтобы ею можно было энергично двигать с помощью тонкой проволоки, это так называемая «трость», один конец ее крепится к руке куклы, другой ты держишь снизу, и зритель не видит, почему это кукла способна взмахнуть рукой, да еще так эффектно!

Теперь о музыкальном сопровождении пьесы. Мелодии, которые звучали во время действия вертепных пьес, ты найдешь в нотном приложении на с. 81. Ты сможешь исполнить что-то на гитаре, на пианино или на флейте. Если же ничего такого ты не умеешь, — что ж, ведь можно подобрать кассету с музыкой Баха, с церковными песнопениями, рождественскими песнопениями в исполнении ансамбля «Сирин» под руководством Андрея Котова или ансамбля Дмитрия Покровского, или даже подойдет музыка Эндрю Ллойда Уэббера к рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда». Но при постановке вертепной пьесы музыка звучит не все

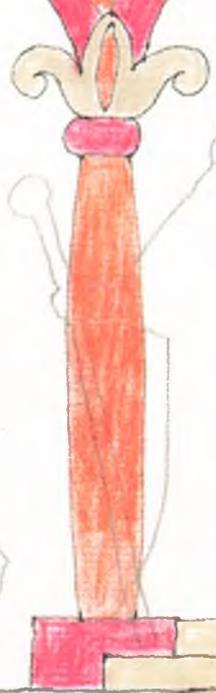
Ты можешь придумать
этом в 2 раза дше

Омьога берогань Амьога

Омьога берогань Амьога

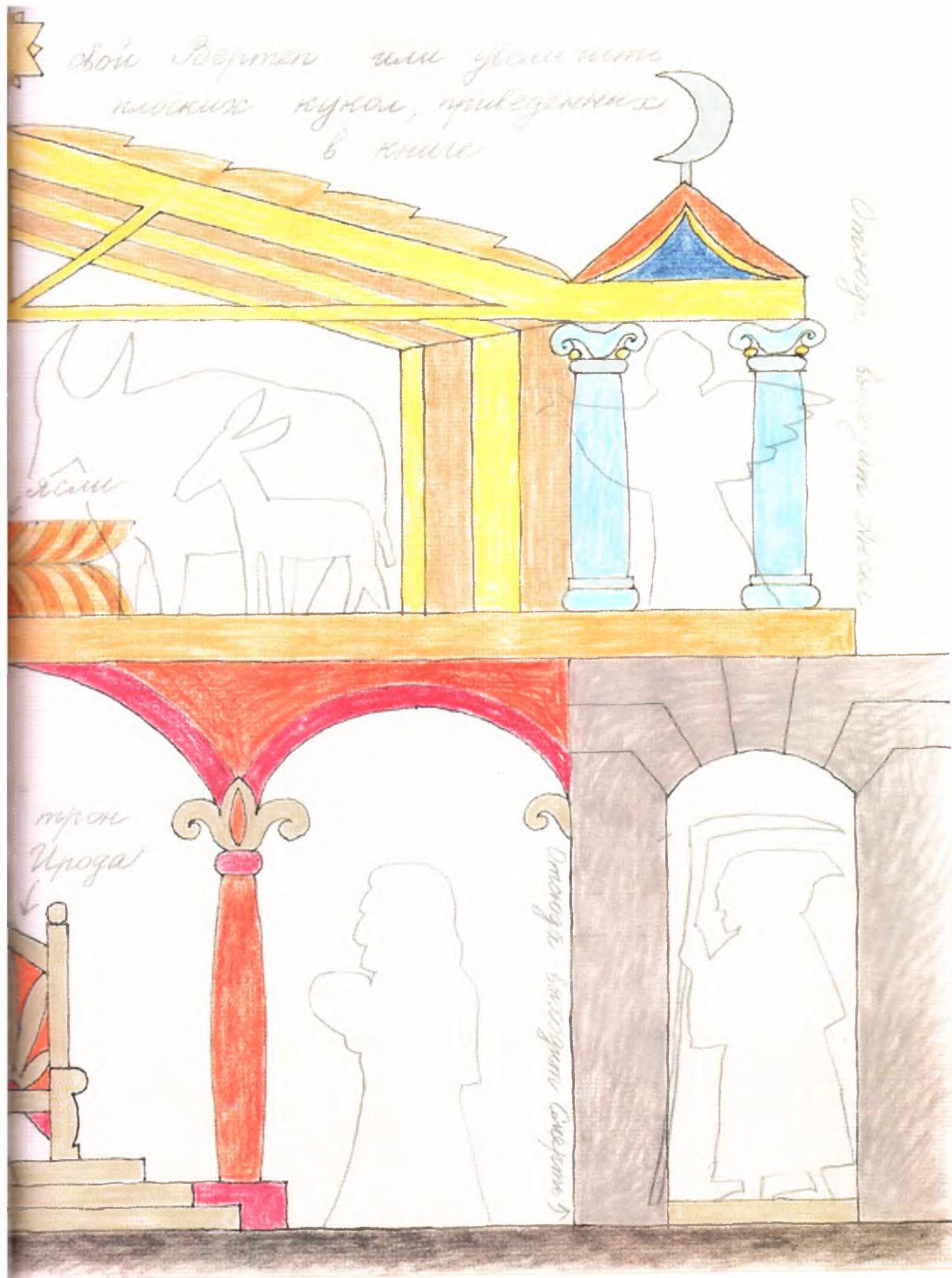
свои Вертепы или увеличит
плоских кукол, приведенных
в книге

Орнаменты восточных стилей

ясли

трон
Уроча

Орнаменты восточных стилей

Нужно использовать золото, серебряную и цветную фольгу, бисер, блестки

время, пока идет представление, а временами. Петь, я думаю, ты сможешь? Не забудь звенеть маленькими колокольчиками в начале и в конце спектакля.

На стол, где будет стоять вертеп, справа и слева от него нужно поставить настольные лампы так, чтобы **освещались** обе сцены. Лампы стоят немного ближе к зрителю, но их свет направлен на сцены. Еще лучше освещать кукол электрическими фонариками. В прежние времена перед каждой сценкой вверху и внизу помещались жестяные неглубокие корытца, а в них укрепляли несколько коротких свечек. Была даже кукла Пономарь. Пономарь держал в руках маленький (с наперсток) железный ковшник на длинной проволочной ручке, в ковшике горел огонь. Пономарь, наклоняясь к каждой свечке, своим огнем из ковшика зажигал фитили. Получалась такая рампа, куклы освещались снизу, от этого их лица становились загадочны. Но я тебе не советую повторять этот опыт, слишком опасно приближать живой огонь к материи занавеса. Однако, может быть, ты сумеешь укрепить маленькие лампочки, например, от елочной гирлянды? Гирлянда может окружать каждый этаж. Еще немного о том, как делать кукол. Если ты уже мастер на все руки (бывает же такое!), то подсказываю: у самых настоящих вертепных кукол головки вырезаны из дерева и ладони тоже, а туловище — палка, завернутая в тряпки, и одежда на куклах должна быть, разумеется, красива. А головки могут быть и матерчатыми. Традиция не разрешает делать головку Девы Марии, эта кукла издавна считалась священной. Когда-то специальные головки выпускали для вертепа (для куклы Марии) фарфоровые заво-

ды. Но таких головок у нас с тобой сейчас нет, поэтому можно нарядить Девой Марией маленькую куклу. А если кукла бумажная, можно наклеить лицо, вырезанное из открытки или старой репродукции. Это все не обязательно сегодня, но мы же возрождаем традицию! На прощание оставляю тебе эти стихи Бориса Зубакина. Можешь читать их под елкой, на Рождество или на Новый Год. Или просто про себя.

Идут волхвы из дальних стран
И, не боясь погони,
Скользит воздушный караван —
Верблюды, мулы, кони.

Звенят бубенчики-псалмы
Как ручейки на скате, —
Три белых высятся чалмы
На розовом закате.

И луч звезды, и шаг коня
Идут согласно рядом.
Уже бубенчики звенят
Янтарным виноградом;

Уже верблюды встали в ряд, —
Смотри — какие тучи!
Уже горбы их нам дарят
Запас дождей летучий.

И в дальних зимах Декабря
Идут от хат до хаты
Три белых мальчика-царя
С бородкою из ваты.

И носят золотой вертеп
Из тонкого картона.
Но видит каждый, кто не слеп.
Звезду над их короной.

СОДЕРЖАНИЕ

Начало	3
Это случилось в Вифлееме	11
Земля и небеса	17
О том, как пришли волхвы	19
День рождения	29
В деревне	33
В городе	43
Великие мистерии и великая живопись	47
Все елки на свете	59
Приложение	75

На обложке – фотография Владимира Фридкиса.
 На с. 75 – фотография семьи режиссера Сергея Брижани,
 разыгрывающая в вертеле Рождественскую сказку.
 В оформлении тетради использованы изображения игрушек
 разных стран.

КОМПЛЕКСНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Шаг за шагом®

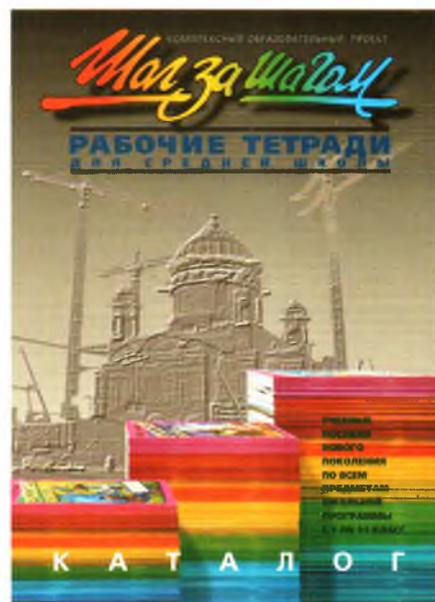
Комплексный образовательный проект «Шаг за шагом» – это самый современный и мобильный жанр учебной литературы – единая серия рабочих тетрадей по всем предметам школьной программы с 1 по 11 класс. Именно наши учебные пособия способны своевременно, быстрее других откликнуться на потребности школы, на изменения учебных планов и программ.

У преподавателя не возникнет проблем с внедрением рабочих тетрадей в учебный процесс: проектом предусмотрена мощная методическая поддержка серии – отдельно для каждого предметного цикла изданы методические рекомендации по применению рабочих тетрадей в общеобразовательной школе.

Более подробную информацию о содержании и перспективах комплексного образовательного проекта «Шаг за шагом» можно получить в каталогах рабочих тетрадей на 1996-97 учебный год, а также в периодических

изданиях – в бесплатном приложении к «Учительской газете» «Шаг за шагом», в приложениях к газете «Первое сентября» и в журнале «Вестник образования» Министерства образования РФ.

Каталоги высылаются бесплатно.

По вопросам приобретения рабочих тетрадей серии «Шаг за шагом» обращайтесь в НИО «Школа» – Издательство «Открытый мир» тел.: (095) 918-2066, 918-2897, факс: (095) 918-2698. Адрес для корреспонденции: Россия, 105318, Москва, ая 24.

Н П О
Ш К О Л А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ОТКРЫТЫЙ МИР»

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ

- I кл.** 1. Путешествие с красками (I кл.)
II кл.
III кл. 2. Азбука искусств от А до П (I–III кл.)
3. Я учусь рисовать (I–III кл.)
- V кл.** 4. Народный календарь. Рождество
5. Человек и портрет
- VI кл.** 6. Фантастическая реальность мифа
- VI кл.**
VII кл. 7. Твой герб и псевдоним
- VII кл.**
VIII кл. 8. Я — архитектор. Моделирование пространства. Макет
- IX кл.** 9. Язык современного портрета
- X кл.**
XI кл. 10. Мы входим в храм

Рабочие тетради расширяют границы учебников и побуждают школьников учиться самостоятельно, с увлечением, даже с азартом. Рабочие тетради существенно экономят время при выполнении заданий в школе и дома. «Наконец-то я могу с полным правом писать, чертить и рисовать в учебнике, да еще и получать за это хорошие оценки. Это мой учебник, и я его соавтор. Его не нужно будет сдавать в библиотеку — он останется у меня» — вот что услышите вы от детей, подарив им наши уникальные учебные пособия.

УВАРОВА Ирина Павловна
НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. РОЖДЕСТВО
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Художник Т. А. Арзамасова
Редактор Л. Б. Воронин
Технические редакторы: Т. С. Маринина, Л. Б. Чуева
Корректоры: Л. В. Белова, О. Н. Богачева
Компьютерная группа: Е. А. Адамов, Р. Р. Алеев, С. Б. Клещев,
Н. И. Киселева

Руководители проекта: В. Р. Вальдман, А. И. Княжицкий
Автор серийного оформления Е. А. Святский

© НПО «Школа» — Издательство «Открытый мир»®, 1996

Лицензия ЛР № 071214
от 25 августа 1995 г.
Подписано в печать
08.10.1996.
Формат 60x84/8.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Garamond».
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,16.
Уч. изд. л. 9,3.
Изд. № 10-291.
Тираж 30 000 экз.

ББК 86.37 ISBN 5-14-000172-1
У 18

9 785140 001728 >